

Юлия
Лавряшина

Запретный плод

За чужими окнами

Юлия Лавряшина

Запретный плод

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лавряшина Ю. А.

Запретный плод / Ю. А. Лавряшина — «Эксмо», 2019 — (За чужими окнами)

Любовь это или страсть, когда в 47 лет теряешь голову от 22-летнего парня, который даже младше твоего сына? Кажется, он мой человек, и если бы было наоборот – он старше, ты намного младше, – считалось бы нормой. Но этот мир полон стереотипов, и такая связь осуждается большинством. Еще и собственные сомнения: нужна ли я ему? Как долго все будет длиться? А отказаться от счастья так сложно... Ранее роман выходил под названием «Toyboy. Мальчик-игрушка»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лавряшина Ю. А., 2019
© Эксмо, 2019

Юлия Лавряшина

Запретный плод

© Лавряшина Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

«Оглянись! Еще раз оглянись... Сквозь ноябрьскую морось прорви взглядом плотную завесу одиночества, отделяющего меня от тебя. Ворвись в плотный кокон, которым я окружила себя, чтобы содрогнулась и замерла: *мой человек!*»

Она отвернулась и быстро пошла к своей красной «Рено». Одна яркая деталь на серой осенней улице... И сама себе увиделась таким же сознательно выделяющимся на общем фоне пятном: алый рот, подрагивающий улыбкой, белая меховая пелерина, каштановые волосы по ней потоком до лопаток. Может, только сестра и догадывается, сколько ранимости за этим ярким фасадом, всему свету демонстрирующим ее успешность...

Ольга Корнилова идет по жизни, смеясь, – только так она подает себя миру. И мир вроде верит... Никто не задумывается над тем, что боевая раскраска всегда наносилась для придания уверенности в себе. Значит, не хватает ее. В юности в простеньких джинсах бегала, рубашка на животе – узлом. Не задумывалась, что надевает, ведь знала, что в любом наряде хороша. А сейчас короткая юбка самой кажется вызовом: скрывать еще нечего! Хотя, конечно, есть что... И без чулок такую юбку лучше уже не надевать. Так ведь и не надевает, голова-то, слава богу, на плечах... И те, кто видит ее впервые, или знает недавно, даже не догадываются, сколько ей лет. А самой лучше не вспоминать. Еще не трагедия, но досаду возраст уже вызывает.

Порыв ветра помог, мягко подтолкнул в спину. Плачущая природа сочувствует? Но и дает ей понять: бежать надо, пока он не заметил, что она, как нищая, смотрит ему вслед – взгляд выпрашивает. Хоть бы и прощальный...

Но это минутная слабость, и лишь пока он не видит. Ему и в голову не придет, что такая женщина может на кого-то (на него!) смотреть снизу вверх. Только что в «KIMCLUB», где Ольга уже с полгода занималась боксом, никакого дрожания в коленях не было. Сердце не трепетало, подвешенное на ниточке... В спортзал она вбегала, как вечером выходила на сцену – легко и непринужденно. И видела себя как бы чуть со стороны: редкой для ее поколения длины ноги, обтянутые черными легинсами до середины икры, открытая шея – волосы для тренировки приходится собирать и всегда улыбка. Иначе темной волной захлестнет спарринг-партнера, ослепит...

В линии шеи до сих пор сохранялась трогательная изящность, Ольга и сама не понимала – откуда это? Кожа предает ее, а в изгибе память о Наташе Ростовской. Никогда ее не играла... Кто в театре решался поставить спектакль по Толстому? Только оперы в Большом, в Мариинке... Сейчас в Мастерской Фоменко готовят к постановке начало романа, но Ольге Корниловой в нем не сыграть. И актеры там свои, и время упущено. Хотя роль Элен еще могли бы предложить, красотой не уступит... И характер любой показать может, таланта не занимать. Но – другой режиссер, другой театр, другая история.

Своей она была почти довольна... Все состоялось: ведущая актриса московского театра, которой всегда хватало и любви, и зависти. Есть сын, есть большая квартира, родители живы, с сестрой дружны. Несколько заметных работ в кино. Мужчины оглядываются вслед. Только вот это маленькое «почти»...

Не оно ли запросило взгляда этого мальчика, которого сегодня заприметила сразу, как только пришла на тренировку. Вроде бы и раньше видела, но все как-то мельком, только отме-

чала, как чертовски хорош... А тут неожиданно образовали кружок перед началом занятия, посыпались анекдоты – и связанные с боксом, и нет. Почему она все время видела его лицо? Всегда удивлялась тому, как восхищаются фразой Толстого, которой он подчеркивает, что Каренина сама чувствовала, как у нее блестят глаза... Да женщина всегда это чувствует! Ольга точно знала, в какой момент ее взгляд начинает сиять и как этого добиться.

И сегодня вся исходила именно такими взглядами, и посылала их вроде бы всем, но одному – особенно, задерживала их на нем чуть дольше, делясь бесхитростной радостью от остроумной шутки. Хотя самой смешно становилось от другого: «Связался черт с младенцем!»

В овале его лица, и в застенчивой манере смеяться, и в этих быстрых взглядах исподлобья и впрямь сохранялось что-то если не младенческое, то совсем детское. Этим и привлек? Ей, надо признать, насквозь искушенной, вдруг мучительно захотелось прикоснуться к невинности... В их театре хороших мальчиков было не счесть, но в любом из них уже проглядывала испорченность, готовность к порочному приключению, и от этого становилось скучно. Тоже мне добыча – сама в руки идет!

Этот же, даром что смуглолицый и черноглазый, казался златокудрым ангелом, с незамутненной душой. И даже вспыхнул огонек азарта: «А такого уже слабó влюбить в себя?!» Истинная проверка своей женственности... На близких по возрасту что ее проверять? При желании не составит труда любого утянуть особым взглядом, которым Ольга владела в совершенстве... А вот такой мальчик – это другое дело. Тут возрастную пропасть в четверть века перемахнуть надо, под силу ли ей еще?

«Сверхзадача повышенной сложности, – усмехнулась Ольга про себя. – Разумеется, игра на время тренировки, за порогом разбежимся в разные стороны. Такие романы только на полчаса хороши... Но вот сейчас, в этот миг, сумею ли вызвать его интерес?»

К ее удивлению, парень тоже оказался не промах. Только в первый миг не то, чтобы смутился, но растерялся, заволновался, встретив ее откровенный взгляд. Однако уже следующий – сам ловил... Поймал. Несколько секунд смотрели в глаза друг другу, он – вопрошая, она – смеясь. Он опустил глаза первым.

Продолжение не следует, это понятно. Потрясающий мальчик коснулся ее жизни и прошел. Тем спокойнее... Убедилась же, впитав тот долгий взгляд, что зацепила его, одержала маленькую победу, значит, не зря старалась, призывно откидывая голову, когда смеялась, как бы невзначай проводя рукой по изогнутой шее, живот втягивала изо всех сил... Хотя понимала, что он только наглядится и отправится праздновать собственный триумф в постели с сопливой подружкой. В этом возрасте они все победители: уверенный шаг Каменного Гостя, волчий блеск в глазах, аромат юности – шлейфом.

«Вдохнула? – спросила она себя насмешливо, уже открывая машину. – Поборола печаль? И давай, двигай дальше. Нечего на детишек засматриваться...»

Но та, другая в ней, глубинная, что вечно оправдывалась и все равно оставалась виноватой, тотчас залепетала: «Да ведь он сам подошел потом! Я уже и забыла о нем. Поиграла и успокоилась. А он первым заговорил... Господи, какой мальчик!»

Ольга захлопнула дверцу и выдохнула:

– Каким бы ни был. Сам подошел, сам и ушел. Сердчишко-то утихомирь!

Рука с брелоком непонятно почему дрожала, ключ не попадал в скважину. Ей даже стало смешно: как еще кровь-то бунтует! О душе пора думать, милочка...

«Это уж слишком! – взбунтовалось в ней. – Чего себя старишь-то?! Даже народная мудрость гласит, что в сорок пять баба... Ну, в сорок семь...»

Оставив попытки завести машину, Ольга включила радио, настроенное на волну спокойной музыки, откинула голову, закрыла глаза. Релакс. Вот оно, привычное – одна в замкнутом пространстве. Но разве давит? Наоборот – уютная раковина. Ее «Рено», конечно, маленькая и не слишком навороченная, лобовое стекло без дождевых датчиков, и климат-контроля нет,

и датчиков парковки, и подогрева сидений, чего Ольге очень не хватало прошлой студенкой зимой. И многого еще нет в этой машине, что нужно было отдельными опциями заказывать, а она не могла этого себе позволить. Деньги сына, решившего сделать такой подарок, хотелось сэкономить. Они не так уж легко доставались Пашке в его Париже, как думалось тем, кто шептался у Ольги за спиной. И решила – обойдусь. О многом в жизни так решила.

Быстрый стук в стекло – она так и дернулась. Мир за стеклом в мелких каплях. И вот он пытается ворваться в ее замкнутое пространство. Клаустрофобией никогда не страдала, любила замкнуться ото всех в своем одиночестве, куда никто не проникал – сама не пускала дальше постели. Здесь место любимых писателей и режиссеров, перед которыми преклонялась.

– Извините, я напугал вас.

Голос у него низкий, но в этом баске слышится юношеская неуверенность. Действительно так молод или это внутренняя надломленность сквозит? Глаза очень темные, не то чтобы раскосые, но чуть вразлет. Стрелы, а не глаза. «Нет, – наспех зашпорил с собой Ольга, – стрелы подразумевают беспощадность. А в этих глазах... Что в них – в этих глазах?»

Она отвела взгляд. Нельзя же так рассматривать человека.

– Ничего, я просто задумалась. Вы что-то...

– Я тут подумал... Может, вы подбросите меня? До-ождик! – протянул сиротским голосом. – А я без машины. Если, конечно, вы сейчас в театр.

– И далеко вам?

– В Дмитровский переулок. Но мне хотя бы до Тверской! Там уж добегу.

«Добегу» – понятие их возраста. Легкие ноги, еще не прокуренные до черноты легкие. Куда уж ей гнаться за ними? Хотя на ринге-то они могли быть на равных... Если б она согласилась. Того партнера, что ей предложил тренер, она ударить не смогла. Увидела перед собой не «грушу» для битья – мужчину. В вырезе майки – блестящие завитки волос, плечи – не обхватишь, вены угрожающе вздулись. Мачо. Такого не бить, к нему прижаться бы всем телом, чтобы подхватил на руки и унес на край света. Ну, хоть в раздевалку... Все существо ее так и запросило ласки, тепла этого большого тела. Сейчас она была только женщиной рядом с мужчиной.

И рука у нее так и не поднялась, хотя с женщинами уже несколько настоящих боев выдержала. В трех победила. Две ничьих. Очень хороший результат, как говорит ее тренер. А в «KIMCLUB» все знатоки своего дела. Похоже, кроме нее...

Несостоявшийся спарринг-партнер так ей и заявил, чуть ли не сплюнув на ковер:

– Слабачка. Еще в бокс полезла! Мужика ударить не можешь... Я баб всегда бил и бить буду. Размазывать вас надо... Сестренка!

Вот тут ей захотелось его ударить! Так захотелось, что она чуть не бросилась следом в мужскую в раздевалку – уже не за тем, о чем размышляла, едва увидев. Но он уже снял перчатки и шлем, неспортивно было бы с ее стороны напасть на человека, не готового к бою. Ольга скрипнула зубами от злости и невозможности эту злость выпустить. Уже готова была броситься к тяжелой красной «груше» с портретом Майка Тайсона...

И вот тогда этот мальчик опять возник перед ней. Словно ангел внезапно опустился с неба – Ольга не заметила, как он подошел.

– Хотите, я его заменю?

Он стоял перед ней, опустив руки. Беззащитный в своей еще не тронутой временем красоте, конечно же обманчиво невинной, утонченной и мужественной одновременно. И вся его неподдельная готовность принять ее удар была так очевидна и так искренна, что у Ольги слезы чуть не брызнули из глаз. Агнец на заклании. Сам пришел. А она-то решила, что игра уже закончена. Погладили друг друга взглядами, задержались на раскрывшихся от скрытого волнения губах – и довольно.

– Я закончила тренировку, – сказала она отрывисто, еще не придя в себя окончательно. – Но за предложение – спасибо.

– Извините, – выкрикнул он уже в спину, – вы ведь Ольга Корнилова?

Она остановилась, вернулась. На шаг, но вернулась. И снова захотелось вернуть взгляду блеск, выпрямить спину, чтобы он заметил грудь, какой без силикона не бывает у юных девочек.

– Так вы меня знаете? – Она уже улыбалась, прислушиваясь к себе: «Что это сердце так предательски подрагивает?»

– Я был на вашем спектакле. – Он произнес это, понизив голос, будто сообщал страшную тайну, и одновременно обещал, что не выдаст ее остальным. Потом добавил, подумав: – На трех.

Ей почему-то стало смешно:

– Вы что – мой поклонник?

Его смуглые щеки внезапно потемнели. И эта его способность краснеть так тронула ее, что Ольга едва удержалась, чтобы не погладить мальчика по лицу. Она сама этим отличалась, чуть что – и уже пылают щеки. Некоторые считали, что на сцене ее лицо выглядит самым живым. Яркая. Заметная. Она всегда держалась этого принципа и не считала, что это плохо. Вот оказаться одной из ряда – это не дай бог!

Прикусила губу, выдав желание расхохотаться ему в лицо. И не думала скрывать его.

– А это так смешно? – проговорил он обиженно. И узкий подбородок чуть заметно дрогнул, окончательно повергнув Ольгу в смятение.

«Он сделал это специально? Тоже умеет играть? Или я действительно задела его? Да я ведь и не сказала ничего особенного! Впрочем, никому не хочется, чтобы над ним надсмехались...»

Она поняла это не впервые. Когда смеялась в лицо другим, мысль о собственной жестокости всегда слегка укоряла ее, но Ольга легко справлялась с этим, похоже, так и не прижившейся за сорок с лишним лет в теле красивой женщины. Оставалось какое-то несоответствие, точно тщательно скрывавшееся от мира другое существо внутри ее стеснялось того, как вольно эта женщина несет себя по жизни и как щедро дарит со сцены себя, единственную, всем желающим, и как ни во что не ставит тех, кто влюблен в нее... Просто не верит, что в их душах может зародиться нечто общее с любовью. А если в хорошем настроении, то смеется. И еще неизвестно, что лучше.

Но этому мальчику она ответила:

– Это нисколько не смешно. Я вам благодарна за участие. Правда!

И ушла в раздевалку, чтобы остаться наедине со своим сожалением: где мои семнадцать лет?! Да бог с ними, с этими семнадцатью! Тогда она была капризной и вредной. Мальчика своего до того измучила страстью к игре, что он как запил на первом курсе, так и не вышел из запоя до сих пор. Не была она в юности той девушкой, которую можно пожелать своему сыну...

Ее Пашка выбрал француженку. Как ей и представлялись парижанки, Софи была миниатюрной, сухонькой, полная противоположность Ольге, которую ростом Бог не обидел – так еще в школе считалось, даже в Щепкинском училище, а теперь почти все девочки в театре выше ее на голову. Пока, слава богу, только физически...

Когда сын прислал фотографию жены, Ольге стало не по себе: «Он настолько отторгает меня?!» Но потом вспомнила первую любовь сына, отвергнувшую его, как и положено, – та девочка была похожа на семнадцатилетнюю Ольгу, как родная дочь. Тогда она даже испугалась, теперь затосковала. Потом пришла к мысли, что все это не важно. Лишь бы Пашка, Поль, как зовут его там, был счастлив в своем Париже, где очень мало счастливых людей. Французы рождены для грусти. Русские – для страсти. К чему угодно – хоть к человеку, хоть к водке.

Все это пронеслось в голове за какое-то мгновение, а в следующий Ольга уже мотнула головой, приглашая мальчика сесть. Он легко обежал машину, заскочил с другой стороны.

Улыбнулся во весь рот, радуясь своей удаче. «Деньги на метро сэкономил!» – съязвила она про себя. На темных волосах – бисер дождя. Так и тянет собрать ладонью, губами попробовать: какова на вкус эта юность? Он вытер лицо прямо рукой. Платка нет? Или это мальчишеское пренебрежение правилами хорошего тона?

«Вот теперь только попробуй не попасть!» – Она небрежно вставила ключ. – Слава тебе, господи!»

И впервые пожалела, что ее машина не с правым рулем: свой левый профиль нравился Ольге больше. Он был чуть тоньше, чуть изящнее... Но не вывернешь ведь шею ради того только, чтобы продемонстрировать то лучшее, что в тебе есть. Не подумала об этом, когда Пашка предложил за руль «Рено» сесть. Английскую брать надо было...

– Что там – в Дмитровском переулке? – спросила она больше, чтобы самой отвлечься.

– Общежитие Мерзляковки.

Ольга осторожно впустила свою «реношку» в поток машин, чуть расслабилась. Мягко идет, сплошное наслаждение. Даром что с левым рулем...

– Вы – музыкант?

– А?

Он, казалось, и забыл о ее присутствии. Вот тебе первая плюха. Обидадохнула в лицо жаром. Хоть одну из покрасневших щек, но ему было видно.

«Не смотреть на него!» – приказала Ольга себе. – Еще не хватало, чтобы он заметил, как заслезилась глаза... Не привыкла, красавица, чтобы мужчины уже через минуту переставали тебя замечать? А придется привыкать – дело к полтиннику идет...»

– В прошлом году у меня появился один знакомый из Мерзляковки. Он каждое утро приходил к моему окну и играл на трубе. Представьте: рассвет, еще шагов во дворе не слышно, а уже доносится серебряный голос трубы... Самое удивительное, что никто из соседей не обложил его матом. И мне никто ни слова не сказал, хотя, наверное, догадывались, для кого он играет.

– Еще бы, если вы живете в этом доме, – пробормотал он. – Кому еще можно посвящать серенады?

Ей стало спокойнее от этих слов. Теперь можно было снова поговорить о нем.

– Так вы – музыкант?

– Нет, – отозвался он без сожаления. – Там у меня один парень знакомый живет. Они только что с гастролей по Германии вернулись... Он мне оттуда модель привез.

– Что значит – привез? Силой?

Его губы так и расползлись:

– Вы про девушку подумали? Почему при слове «модель» все первым делом представляют двухметровую блондинку? Ведь это в принципе технический термин.

Это неприятно задело: получается, она мыслит стандартно, как все. Молчала бы лучше, дала б ему возможность рассказать. Она почувствовала, как жарко вспыхнули уши. Если так пойдет, скоро она вся полыхать будет! Благо под волосами не видно, он не поймет, как ей стало неловко за себя. Стольких переиграла женщин, сумевших вырваться из толпы – Каренина, Нора, Медя – а сама все только учится быть не как все. Говорить не банальностями. Думать не о пустяках...

А в голову лезет, что как раз справа на юбке у нее пятно, которое он уже мог заметить. Капнула мороженым по дороге на тренировку. На кой черт ей вдруг захотелось мороженого? За окном ноябрь, кто ест холодное в такую пору? Пятно так и не оттерлось. Теперь мозолит глаза. И не только ей, наверное.

Хотя оставалась надежда, что ее колени отвлекают от пятна. Ольга не специально то плотно сводила их, то чуть раздвигала – едва заметно, и все же движение было вполне уловимым. Это происходило само собой, она просто привыкла к тому, что все в ее теле должно нахо-

диться в движении – динамика, оправданная на сцене. Но сейчас она сама вдруг почувствовала, что ноги ее ведут отдельную жизнь, выдавая тот внутренний призыв, который нарастал внутри. И с которым Ольга еще не решила, как быть: подавить его раз и навсегда или побаловать себя рискованным флиртом.

«Да я с ума сошла! – ужаснулась она, но как-то не всерьез, весело, будто на самом деле обрадовалась этому. – Ему ведь лет двадцать... Это уже ни в какие ворота!..»

Саму себя пытаясь отвлечь, она спросила:

– Тогда что же это, если не девушка?

Опять заговорила первой, потому что он молчал. И снова – на общую тему. Почему он молчит? Не платишь за проезд, так будь добр развлекать разговорами!

«Я злюсь на него, – поймала себя Ольга. – Это плохой признак. Так бывает, когда все всерьез... А это не тот случай, когда можно такое допустить. Высадить его, пока не поздно? Как, кстати, его зовут?»

– Как, кстати, вас зовут?

– Макс.

Имя-звук. Имя-шифр. Ломать голову над раскодировкой – да надо ли? До смешного напоминая себе школьницу, Ольга стрельнула взглядом в его сторону. Овал лица юношеский... Ей, чтобы вернуть себе такой, пришлось к хирургу обращаться. По-другому нельзя, актриса лицом работает. Макс узнал ее лицо, надо же...

– Вы – москвич?

– Не то высадите? Тоже не любите приезжих?

– Ну, почему же... – послала ему утешительную улыбку. – Они как раз в основном и приходят в театр, как я могу не любить своих зрителей?

– Тогда, может, даже жаль, что я – москвич? Правда, последние три года я жил не здесь... – Он замолчал.

«Сидел, что ли?» – подумала она с опаской. Куда можно отлучиться из Москвы на три года? Только в тюрьму и в армию – в Морфлот, если она не ошибается, давно эти проблемы ее не волновали. Сыну «белый» билет сделала еще в шестнадцать, чтобы никто его не тронул... Где же отбывал три года этот Макс? Добровольно из этого города никто не уезжает.

Но Макс опять смутил ее уверенность:

– Реально сослал себя в Сибирь на три года. Кемерово. Слышали?

– Шахтеры, Тулеев...

Его глаза блеснули улыбкой:

– Ну, да-да! Все именно их первым делом и вспоминают!

– Харизматичный у них губернатор, – заметила Ольга. – Настоящий мужик.

– Ну, я не знаю, какой он мужик...

– Это же сразу видно! Косая сажень и все такое... Огонь в глазах. У вас, кстати, разрез глаз похож...

Беспокойно заерзал, перевел разговор. Ольга подумала: «Стесняется, что ли, своих кровей? Похоже, будто я из скинхедов? Вот уж чем никогда не страдала, так это неприятием по национальному признаку...»

– У меня был один знакомый такой вот... черноглазый. Совершенно сумасшедший парень! Такие вещи вытворял...

Сказала это, чтобы его сумасшедшинка, если таковая есть, прорвалась наконец, заявила о себе.

– Вытворял – где? – У него как-то похолодел голос. – В постели?

– Я такого не говорила, – уклонилась она, но отрицать не стала, на это ведь и намекнула. – Вытворял вообще. Ради меня.

– Ради вас что угодно можно сделать.

– Макс! – протянула она укоризненно. – О чем это вы?

И вдруг сама ужаснулась тому, что происходит: «Я веду себя, как шлюха! Откровенно заманиваю его... Мерзко-то как! Это уже не игра. Это охота – ловушки расставляю, бывших любовников вспоминаю, чтобы его раззадорить. А мальчик безропотно топает, куда стрелки указывают...» Ей заорать захотелось от злости на себя: что за метания, черт возьми?!

Подавив нервное, заговорила совсем другим тоном – дружеским:

– Что вы вообще делали в Кемерово?

– Не поверите... Жил! Оказывается, за МКАД тоже есть жизнь!

– Я и не сомневалась. Мы ведь ездим на гастроли черт знает куда! В Сибири, кстати, тоже недавно были, в Тюмени. Мне там местный артист все время пел под гитару про королеву красоты... Знаете эту старую песню? Кажется, она еще из шестидесятых. Из времени романтиков...

Одернула себя: «Я опять? Зачем это? Он восхитился «звездой», а я норовлю на его глазах превратиться в обыкновенную бабу... Если хочу оттолкнуть его, тогда – это в самый раз! Чего я хочу?»

Макс устремил на нее свой пронзительный взгляд:

– Сейчас тоже есть романтики. Не все мечтают только о деньгах.

– Неужели? Вы из таких? – спросила она с надеждой, которую привычно прикрыла насмешкой.

Ей вдруг увиделся молодой Костолевский в роли Женьки Столетова – с целой охапкой воздушных шариков. Ольга всегда плакала от зависти к глупой киношной героине, когда смотрела эту сцену... И «Безымянную звезду» без слез пересматривать не могла. А вот нынешних сериалов с Костолевским не смотрела, хотя, кажется, до сих пор была немного влюблена в Игоря. О чем он, конечно, не догадывался – ни разу не выдала себя, когда встречались на всяких театральных вечерах... «Звезда с звездой говорит»? Нет, это она уже проходила с мужем. Мучительно.

– А вы давно вернулись в Москву?

Легкая гримаса – губы выразили неуверенность:

– Месяца три как...

– Целая жизнь! – отозвалась она насмешливо.

Но Макс даже не улыбнулся. Тонкое смуглое лицо, как индейская маска. Валялась у нее где-то такая, выточенная из темного дерева. Надо найти, взглянуть: похожи ли?

«И что тогда? Над кроватью повесишь? Любоваться одинокими ночами? Вызывать эротические фантазии?» Теперь та, вторая в ней, позволила себе иронизировать.

– Когда переносишься в другую реальность, она быстро начинает казаться твоей настоящей жизнью. Хотя еще недавно это возвращение представлялось мне невозможным... – серьезно сказал Макс. – А теперь то, что было там, стало каким-то нереальным. Будто всего лишь приснилось. Причем когда-то давно. И успело забыться. Воспоминание о небывшем.

Ей вдруг стало страшно. Не оттого даже, что этот мальчик оказался не дураком, и теперь с ним нужно разговаривать, а не трепаться – задал тон. Но оттого, как это обрадовало ее. Душу затопило горячим ликованием: «Да он не просто красавчик!» В смазливую мордашку влюбиться – себя не уважать. Ее пальцы так и стиснули руль: «Стоп! О какой влюбленности речь? Еще не хватало!»

В душе предательски откликнулось эхом: не хватало... Неужели как раз этого не хватало ее жизни? Чуть раскосого темного взгляда, черного «ежика» волос, губ, как ни странно, уже не юношеских – мужских. Что меняется в линии рта, когда на взгляд становится ясно: мужчина? До невозможности молодой, но – мужчина. Что-то уже произошло в его жизни, сделав его таким.

– Кто вы, Макс? – вырвалось у нее.

«Кто вы, доктор Зорге?» – это мгновенно вспомнилось не только ей. Он рассмеялся:

– Кузбасский шпион! Засланный казачок...

– А если серьезно?

– Я – скульптор, Оля. Хотя на хлеб зарабатываю как веб-дизайнер. Ну, вы знаете...

В одной конторе числюсь. Очень удобно, не обязательно каждый день на работу ходить, приношу им готовые проекты. К сожалению, иногда все же приходится появляться среди белых воротничков. Вливаться в коллектив, чтобы меня хоть узнавали в лицо. А то еще и зарплату дать забудут...

Имя прозвучало так по-домашнему и ласково, что Ольгины губы растянулись в улыбку. Не ту, сценическую, когда все зубы напоказ, чтобы сияние из последнего ряда было видно. Она улыбнулась ему, не разжимая губ, немного робко, чуть вопросительно: «Ты что, тоже не ощущаешь пропасти в двадцать с лишним лет? На самом деле она, конечно, есть, никуда не денешься... Но неужели если, как учил старик Шекспир, протянуть над ней руки, то можно коснуться друг друга? Хотя бы поговорить на равных...»

Светофор выкрикнул ей то, что она сама должна была повторить себе: «Стоп! Дальше этих мыслей хода нет. Надо вдохнуть поглубже и перестать так дергаться из-за того, что он все же оглянулся, как ты и просила. Услышал беззвучный зов? Мою призывную игру в спортзале решил подхватить? Да нет... Просто прикинул, что можно добраться на машине. Хотя еще не известно – быстрее ли, такие «пробки»... Господи, да что со мной?! – Ольге захотелось со всей силы ударить по рулю. – Сколько этих хорошеньких мальчиков у нас за кулисами? Так и вертятся под ногами, и многие не прочь «замутить», как они выражаются, с заслуженной артисткой России... Но разве у меня когда-нибудь хоть из-за одного из них тряслись руки?! С любым из них – откровенная пошлость. Потому что они только на это настроены, для них слово «любовь» уместно только на сцене... А этот – не актер, слава богу!»

Она постаралась выдержать ровный тон:

– А что за модели? Вы так и не объяснили...

– Я коллекционирую масштабные модели машин.

Он произнес это с заметным вызовом. Ольга не поняла – почему?

– А что это значит?

– Вы никогда не видели миниатюрные копии автомобилей?

– А! – Она взглянула на него с изумлением. – *Эти* модельки?

Вот теперь вместо глаз пулеметные прорези – за каждой смерть. Она тут же угадала: вот сейчас стоит ей усмехнуться, он не простит. Слишком болезненно для него... Похоже, многие уже усмехнулись сдуру.

– Вам это тоже кажется сплошным ребячеством?

Ей припомнилось:

– Когда-то я собирала цветные стеклышки... – опустила слово «детство». – Может, это они научили меня видеть мир разным? Всегда помнить, что можно увидеть то же самое в другом свете... У вас большая коллекция?

На мгновение отведя взгляд от дороги, Ольга посмотрела ему в глаза. Сердце дрогнуло давно забытой слабостью: «Господи, как хорош!» Макс с недоверием (неужели не смеется?) взгляделся в ее лицо, позволил себе убрать угрозу из взгляда.

– Достаточно большая. – И вдруг с надеждой: – Хотите взглянуть?

– Сейчас? Мы же едем на Дмитровку... Или вы живете где-то...

– Нет, за городом. У меня небольшой дом, где и мастерская, и... все прочее. Это не так далеко – в Переделкино.

– Ничего себе – не так далеко! Это по Минскому?

– Всего пять километров от Кольцевой...

– И вы предлагаете...

– Или вы торопитесь?

Ей почудилось: ребенок сейчас расплчется, если она немедленно не согласится посмотреть его игрушки. Ее сын был таким, обожал, когда она садилась на пол с ним рядом, и они вместе перебирали сокровища, вываленные из большой коробки.

Она призналась:

– Мне, в общем-то, некуда спешить...

– Вы знаете этот романс? – неожиданно уцепился Макс.

Ольга засомневалась:

– Возможно, не полностью...

– Спойте, пожалуйста! Я его обожаю.

– Сейчас?!

Метнула в него взгляд: а ведь не шутит!

– Хотите, я сяду за руль? Или вы думали, что я и водить не умею? Что в Кемерово на оленьих упряжках ездят?

– Макс, вы и в самом деле надеетесь, что я запою на трезвую голову прямо в центре Москвы?!

– Да там же не слышно! Это только для меня. Но если вы... Конечно, не надо... Я слишком многого прошу, извините. Идиотизм, с моей стороны...

Если бы он продолжал настаивать, она отказалась бы резко, как умела. Но Макс уже оставил ее в покое, только поник слегка, и ей почему-то стало неловко, точно это она положила тот самый лермонтовский камень в руку нищего.

«А почему бы и нет? – промелькнула шальная мысль. – Мужчин всегда волнует женское пение... Уж не знаю – почему». Но следом – испугалась: «Ну, попадетсЯ он в капкан, а мне-то это зачем? Лишняя головная боль!»

– Почему вы ушли с тренировки следом за мной? – спросила она требовательно, будто пыталась поймать его хоть на чем-нибудь. Одним махом скинуть с пьедестала, на который сама же и поставила. Макс этого и не замечал, все внутри ее происходило.

– Мне вдруг расхотелось боксировать. На сегодня – расхотелось.

Он посмотрел на нее таким долгим взглядом, что Ольга кожей ощутила, как нехорош этот ее правый профиль, насколько заметнее с этой стороны хоть еще и не второй подбородок, но чуть провисшая кожа. Опять пора подтягивать? Ей захотелось закрыться рукой, чтобы остаться той, увиденной им из зрительного зала, откуда не разглядишь изъянов лица...

Та, главная в ней (все-таки главная!), что таилась внутри, так и оставалась школьницей, только сумевшей избавиться от закидонов юности. Не ей он предназначался, нечего и страдать по этому поводу. Но тогда она даже плакала оттого, что никто до сих пор не догадался украсить ради нее площадь цветами... Сейчас уже не заплакала бы, но – стыдно признаться! – ждала этого чуда до сих пор. Чтобы кто-нибудь совершил ради нее безумство, пусть глупость, но способную поразить до того, чтобы сердце зашло от любви!

От ее тайной мечты пытались откупиться то бриллиантовой паутинкой кольца из «Кристалла мечты» на Кузнецком мосту (о чем тоже сообщалось, ведь туда заглядывали звезды рангом повыше, чем Ольга – «попсятники!»), то тряпочкой из Третьяковского проезда, куда раньше ходили ради «Букиниста», а теперь – бутики, бутики... Правда, братья Третьяковы токмо торговли ради и построили эту самую короткую улицу Москвы.

Иногда Ольга принимала подарок – не все же самой себе покупать! – иногда нет. Мгновенно представляла человека раздетым в своей постели, и если горло перехватывало тошнотой, она улыбалась и вежливо посылала подальше. Но ведь кем-то ее постель должна была заполняться...

«Такого мальчика там никогда не было» – это пришло в голову сразу. Конечно, имели значение и его возраст, и его красота, в которой не было ни грамма смазливости. Классическая правильность черт и этот нездешний, слегка раскосый взгляд.

По поводу его нежелания продолжать тренировку, которого Макс толком не объяснил, она отозвалась с той же неопределенностью:

– Бывает.

И с сожалением отметила, что он не сказал ничего, что могло бы ее приободрить. Что, мол, захотелось догнать вас... Поговорить... Познакомиться поближе... Да нет, он и не мог признаться в такой глупости! Да и о чем говорить? Пионер решил помочь старушке... Святое дело.

Она расхохоталась, представив Макса в красном галстуке с аккуратно зачесанными набок волосами. Он вежливо берет ее под руку и переводит через дорогу на зеленый свет. А она семенит с ним рядом, и, шамкая, лепечет слова благодарности. Хороший мальчик. Такой хороший мальчик!

– Что? – В его улыбке вопрос и готовность разделить ее веселье.

– Ничего, – простила Ольга. – Смешинка в рот попала.

Он вдруг выставил перед ее глазами указательный палец. Неровный, длинный... Смешной! Она так и залилась смехом: покажи дурочке пальчик...

– О-о! – протянул Макс тоном лечащего врача.

Помотав головой, она с трудом выдавила:

– Прекратите! Я сейчас въеду в кого-нибудь.

– Нет-нет! У нас другие планы были.

Смех сразу съехался в комочек, который удалось проглотить. У нас? Планы? Какие-то немыслимые слова...

– Вот и Большая Дмитровка, – сказала Ольга уже без улыбки. – Только мы по ней не проедем. Видите, что делается?

Узкая улица была в несколько рядов заставлена машинами, а в оставшемся коридорчике образовалась такая пробка, что Ольга сразу сдала назад. С трудом припарковавшись в Георгиевском переулке между «Мерседесом» и «ровером», она повернулась к Максиму, наконец спрятав свой неудачный профиль.

– Придется вам сбегать за своей моделью.

Одновременно подбадривая и прощаясь, она скользнула тыльной стороной ладони по его щеке. Отдельные пробившиеся щетинки кольнули кожу. Он попытался прижать ее руку к плечу, но среагировал недостаточно быстро, все-таки она застала его врасплох, на что и рассчитывала.

– Тем более и дождя здесь нет, мой мальчик, – назвала его так специально, чтобы продемонстрировать дистанцию, которую сама то норовила сократить, то стремительно увеличивала.

Поморщился, снисходительность тона не понравилась. Ольга просияла улыбкой – так по утрам она встречала солнце. И притянула его к своей радости:

– Мы убежали от дождя. Так что – вперед, Макс! Потом сядете за руль. И, может быть, я действительно спою вам...

Его лицо вспыхнуло так, будто она пообещала ему луну с неба, никак не меньше. Наспех кивнув, Макс выскочил из машины, а ей подумалось: «Давно я не видела такого блеска в глазах... Хочется припасть к этим черным глазам и пить...»

Воображение преступно быстро нарисовало, как она легко перебрасывает тело и садится к нему на колени – лицом к лицу. И все в нем мгновенно восстает, но не против ее тепла, а – от него. И та осязаемая мужественность, которая обеспечена его молодостью, уже дразнит, обещая все...

Да полно, бывает ли? В последнее время – сплошные осечки. То ли она так действует на мужчин, что они слабеют как раз в тот момент, когда нужно проявить силу? И ей же потом приходится утешать и уговаривать не расстраиваться, обещая другой раз, о котором самой и думать не хочется: так унижительно переживать это все с едва знакомым человеком. Попытаться соединить его с собой, раз уж в одной постели оказались...

Почему всякий раз она же и ощущает неловкость, будто и впрямь в ней все дело, а не в том, что у ее ровесников и тех, кто постарше, все силы ушли на борьбу за место под солнцем?! На любовь их уже не осталось. Кого винить? Обычно в таких случаях говорят: жизнь такая... Что тут поделаешь?

Она до боли прикусила губу: «Не смей даже думать об этом! Он же Пашкин ровесник, а то и младше. Тебе поиграть захотелось, пофлиртовать? Так ведь уже понятно, что он не шарахается, вон как руку пытался поймать... Пари можно считать выигранным. Продолжения и быть не может».

Но как раз предчувствие того, что она пускается на преступление, никак не меньше, взбудоражило, заставляя сердце сбиваться с ритма, вовсе останавливаясь на пару секунд. И в эти короткие промежутки небытия Ольга успевала прочувствовать весь восторг того, что можно испытать, вкусив такой вот запретный плод.

Откинув голову, закрыла глаза: «Кто сказал, что нельзя? Короткая вспышка... Ясно же, что надолго это не затянется, смешно даже думать всерьез! Но разве я не могу себе позволить прикоснуться к радости, впустить ее в себя ненадолго? Глупо? Так и есть. Но это моя глупость. Кому от нее станет хуже? Был бы он на двадцать лет старше, вообще никакой проблемы не было бы...»

Открыв глаза, еще успела поймать его взглядом. Тело крепкое, гибкое, легкое – вон как мчится, огибая машины. Усыпить бы его и насладиться спящим, чтобы он и не узнал о коварстве старой тетки...

«А вот этого тоже не смей! – едва не выкрикнула вслух. – Никаких «теток». Стоит начать так думать о себе, такой и станешь. Слова имеют обыкновение материализоваться».

Внезапно вспомнился мальчик из школьной поры. Фамилия у него была смешная – Попущин. Он был моложе всего на год, они всегда учились в разные смены. Как ей удалось вообще заметить его? А она еще и влюбилась... И в том, что он оказался младше, было нечто порочное, волнующее, затягивающее в темноту безумства, которое всегда привлекало Олю. Любимой ее героиней с тринадцати лет стала и до сих пор оставалась Настасья Филипповна, которую никакая разница в возрасте не остановила бы...

А с тем мальчиком так ничего и не вышло. Наверное, Оля казалась ему слишком старой в свои пятнадцать. Или просто некрасивой: рот, глаза, рост – все слишком велико. Еще и уши торчали... Наверное, его попросту воротило от Ольги. А она не понимала тогда. И так прекрасно было встречаться с ним по пути из школы, чтобы просто поравняться, оглохнув от безумно колотившегося сердца, взглянуть вскользь, считать подробности его сегодняшнего и пройти мимо! Чтобы весь остаток дня перебирать в памяти значительные детали: он ведь чуть улыбнулся, хотя, может, и не ей, а просто... Весной пахнет! Такой хорошенький в этой новой шапке, пакет нес, значит, у них сегодня физкультура, увидеть бы его в спортивной форме...

Она улыбнулась: запах его дешевого (тогда других и не было!) одеколona помнится, заусеница на безымянном пальце, замеченная однажды, цвет водолазки, которую он любил. Тридцать лет прошло. Как он пахнет теперь, тот мальчик? Аромат его юности пыталась найти в других, но все как-то не случалось. Не тот, не так...

«А Макс? – попыталась сообразить она. – Почему я не распознала сразу его запах? Разволновалась, дурочка. Нюх потеряла. Затеяла пари сама с собой, а он тебя обыграл в два счета!»

Поджидая его, Ольга решила припомнить слова романса, который ему так хотелось услышать, и они восстановились в памяти без труда, словно лежали наготове, зная, что потре-

буются. Спеть ему? Ну да, парень с улицы, с какой стати угождать ему? Но ведь он в спортзале предложил ей выместить на нем ярость, вскипевшую в ней, не им вызванную. Правда, за это она его уже подвезла...

– Да что это я?! – вырвалось у Ольги. – Торговка на базаре, что ли? Считаю – кто чем и за что расплатился... Это же не бизнес, черт возьми!

Она не поверила своим глазам: Макс уже бежал назад, куртка с енотовым воротником нараспашку, пуловер цвета темного песка обтягивает тело, ему это идет. Такое тело... Модель свою, наверное, в карман сунул, в руках ничего нет. Как успел? Конечно, Дмитровский переулок коротенький, Ольга его хорошо помнила – любила блуждать в старом центре. И взглядами, и касаниями вбирать великие следы, рассыпанные по городу: в этом доме Пушкин просто бывал, а в этом читал «Полтаву»... здесь жил Станиславский... там выросла Цветаева...

В юности, когда только переехали в Москву, у нее голова кружилась от восторга: я иду тем же переулком, те же стены трогаю, те же деревья... Наверное, и клены эти высадили позднее, и стены не раз красили, старательно замазывая отпечатки пальцев великих, – а что делать? Новые жители столицы хотят жить, а не хранить память. Кто упрекнет их в этом? Каждому его собственная жизнь кажется не менее значительной, чем пушкинская...

«Он мог также бежать этой улицей, легкий был на подъем». В ее мыслях тень поэта неожиданно слилась с Максом – реальным. И в этот момент он стал ей еще ближе.

Ольга резко одернула себя: «Что значит это «еще»? Очнись же ты! О какой близости вообще может идти речь? Опекать его собралась? Нянчить большого мальчика? А он будет капризничать и выпрашивать подарки? Ногами на меня топать, упираться, когда в постель зову, душой выставлять перед знакомыми? Да с чего я вообще взяла, что возможно хоть что-то?! Напридумывала черт знает что... Стоило оказаться в замкнутом пространстве с красивым мальчиком на расстоянии ладони... Самонадеянность-то какая!»

Вспомнив, что обещала пустить его за руль, Ольга выбралась наружу. Получилось – встретила его лицом к лицу: Макс уж подбежал к самой дверце. Ветер налетел сзади, швырнул ее длинные волосы ему в лицо. И на секунду они оказались отделены от всего мира этой живой завесой, вплотную друг к другу. И внутри ее все вдруг замерло, даже сердце, кажется, остановилось: «Как близко эти губы... глаза... Почему он так смотрит? Будто всю меня целует взглядом, вбирает в себя... Нельзя же так...»

Она медленно подняла плохо слушающиеся руки – волосы собрать. Но Макс вдруг сжал обе, удержал. Холод пальцев впился в ее тепло. Он не улыбался. Никакой игривости, ни намек на флирт, и это испугало ее всерьез, ведь она-то не допускала и мысли о настоящем. Даже не моргая, Макс смотрел ей в глаза, и во тьме его взгляда Ольге вдруг почудилось то жутковатое, что обычно называют страстью. Она еще только начала закипать, но уже случилась, дала о себе знать им обоим.

«Я не должна, – жалобно застонало в ней. – Это же так неправильно... Это... смешно! Но как можно отказаться от этого?!»

– Пусти меня! – Она произнесла это отрывисто, чтобы он разом пришел в себя.

Он быстро сморгнул испугавшее Ольгу. Разжал пальцы. Ее руки беспомощно зависли в воздухе. А ветер уже сам отвел волосы, рассеял наваждение.

– Извините, – сказал Макс. – Мне уйти?

Его голос прозвучал глухо, будто он боль преодолевал, говоря. «Не может же он так играть! Он ведь не из наших. Из них ни одному не поверю». У нее отчего-то зашлось сердце. Жалость? Что это вообще?

– Просто больше не трогайте меня.

«Зачем я это сказала? – Она уже перешла к пассажирской дверце, взялась за ручку. – Когда меня в последний раз пронзало так сладко? Четверть века назад, если не больше... Практически в другой жизни. Надеюсь, он не послушается...»

Она взглянула на Макса поверх машины. Не торопясь сесть за руль, он по-прежнему смотрел на Ольгу, только теперь в глазах его страсти не было. «Вселенская печаль во взоре». Она попыталась усмехнуться, наспех укутаться в спасительный цинизм.

– Что с вами, Макс? Что-нибудь случилось?

Опять поправила густые волосы тем движением, что открывало невинный изгиб шеи, сливая в один образ Снегурочку и Купаву – что может быть соблазнительней? И поймала себя на этом: «Я продолжаю игру? Не актерскую – женскую. Но чем она лучше? Непростительно! Он ведь совсем ребенок...»

Но себе все простит, что с мужчиной, даже таким юным, связано, это Ольга уже знала. Почему она должна чувствовать себя виноватой за то, что родилась раньше? Время рождения не выбирала, не заказывала. Вадим никакой вины за то же самое не чувствовал, и никто его не осуждал, когда он взял ее в жены совсем девочкой, погрузил с головой в свой кризис середины жизни. Сначала просто нянчился с ней: забирал после занятий в театральном училище, кормил в ресторане, делился воспоминаниями и некоторыми актерскими хитростями – взрослый мужчина, состоявшийся артист из тех, чье имя произносили с трепетом. Тогда не гонорарами слава измерялась...

Вадим бесплатно водил ее по театрам, объяснял причины актерских неудач и успехов. Ольга слушала его раскрыв рот. В то время мужчины в нем вообще не чувствовала. То есть – отстраненно понимала, что он интересен, обворожителен, и прочее, прочее... Но все в ней реагировало только на ровесников: юность всегда волновала ее больше зрелости. Эти флюиды, этот аромат будущего...

Потом Вадим добился, чтобы Ольгу взяли на съемки фильма, в котором он играл главную роль. Она снялась в эпизоде и стала его любовницей прямо на каких-то бревнах за деревенской избой, где снимали ее сцену. Спина болела потом еще пару дней...

Позднее поняла, что была для него чем-то вроде спасательного круга – надеялся, что молодая жена удержит на поверхности. И ведь удержала, и даже вытянула из депрессии, которая только дома давала себя знать – в театре Вадим держался, играл бодрячка даже за кулисами. Она и сама таким его воспринимала, когда замуж шла: энергия кипит, глаза горят, остроты – фейерверком. А дома – одно беспомощное шипение, сдувался мгновенно и на нее же злился, что это с ним происходит. Хотя именно театр его добивал: «заслуженного артиста» еще не дали в то время, ролей интересных не было, все старые спектакли, зарплата – с гулькин нос, приходится то на радио калымить, то Дедом Морозом... Ольге, тогда первый год служившей в театре, эти проблемы были еще не ведомы. Но Вадим постарался, бросил ее в свое море тоски, как щенка в реку. Выплыла. И его вытащила. Тоже: что-то доигрывала, в чем-то искренней была...

Макс вдруг опустил глаза, точно испытыв неловкость за нее. За ее откровенное притворство. И Ольгу потянуло поежиться, обхватить плечи, спрятаться в тепло: «Неужели он все так чувствует?! Он ведь ребенок еще!» В этом была очевидная натяжка: Макс уже не был ребенком. Может, он и был моложе ее сына, так ведь и Поль в своем Париже другим женщинам виделся мужчиной, не ребенком. И нечего пытаться усыновить всех на свете.

«Какая прямая линия рта, – внезапно заметила Ольга. – Мужественная. Неулыбчивый рот. Но когда улыбнется, все лицо начинает сиять. Почему он так редко улыбается? Любой артист на его месте слепил бы зубами, засыпал комплиментами, анекдотами душил... Хорошо, что он не актер. Этого актерства мне за глаза хватает... Осточертело уже. Надо ему побольше приятных слов говорить, чтобы улыбался почаще...» Не для мира хотелось этого света, для себя, чего уж душой кривить?

– Вам не привезли модель?

– Привезли, – сказал он, уже справившись с голосом. – Хотите, покажу?

Ей сразу стало легче: мальчишке не терпится похвастаться новой игрушкой. Эта ситуация была ей знакома.

– Еще бы! Конечно, хочу! – Она заскочила в машину, с удовольствием устроилась в тепле. Теперь к Максy будет обращен выигрышный профиль... Заметит ли разницу? Кто-нибудь, кроме нее самой, вообще когда-либо замечал?

Когда он оказался рядом, Ольга мгновенно уловила – взгляд другой. Мурашки по спине от него уже не бегут. Сейчас если Максy и хотелось от нее чего-то, так только вовлечь в свою игру, и эта игра не имела с любовью ничего общего. Смотрел на нее с восторженным ожиданием: «Неужели тебе это интересно?! Правда, интересно?» Как обмануть такой взгляд?

Уже ничего не доигрывая, Ольга улыбнулась ему, в очередной раз блеснула глазами. Про себя, правда, подумала: «В двадцать лет я обиделась бы на эту внезапную перемену в нем... Тогда мне хотелось быть для мужчины не просто центром Вселенной, а всей Вселенной. Чтоб никаких других интересов. Ни малейшего намека на страсть, не на меня направленную. Не просто хотела, требовала этого! Какие мы глупые в двадцать лет...»

Вытащив из-за пазухи коробочку с двумя прозрачными сторонами, Макс протянул ей:

– Вот. Видите, какое чудо?

Принимая ее, Ольга как бы невзначай коснулась теплыми пальцами его озябших рук – пусть прочувствует, какой жар внутри ее. Повертела модель перед глазами: машинка как машинка. Разве не такие во всех ларьках?

– Потрясающе! – отозвалась она, без труда прочитав во взгляде Макса то, чего он ждал от нее.

– Вы видите, да? – тотчас воспламенился он, глаза так и засветились. – Какая ювелирная работа! Детализация какая...

Подавшись к Ольге, чтобы ткнуть пальцем во все детали, он оказался так близко, что ее волосы прильнули к его щеке. Она кожей ощутила его близость, кажется, микроскопические волоски на лице встопорщились... У нее губы онемели от удовольствия. Хорошо, что он сам продолжал говорить:

– У нее даже подвеска работает! Я просто в себя не могу прийти – она уже у меня в руках!

Все же удалось справиться с губами:

– Вы долго ее искали?

Она опустила модель пониже, чтобы ее колени тоже попали в поле его зрения. Заметил ли?

– Всю Москву обшарил. В Интернете пытался найти. Даже на интернет-аукционах, хотя там иногда кидают...

– Seriously?

– У меня столько знакомых коллекционеров появилось. И через Сеть, и так... За три года, правда, растерял многих. Теперь снова знакомствами обрастаю.

Он так блаженно улыбался, разглядывая свое сокровище, что Ольга тоже почувствовала себя счастливой. Просто смотреть, как он любит крошечной деталью этого мира – сплошная радость.

– Это мне из Германии привезли, – сообщил Макс таким тоном, будто выдавал страшный секрет, хотя уже говорил об этом.

«Наверное, у него тоже слегка путаются мысли», – подумала Ольга с надеждой.

– Да что вы? – ахнула она. – Дорогая, наверное, вещь.

– А вы думали! Дорого. Вы думаете, она того не стоит?

– Думаю, стоит, – отозвалась она серьезно.

Раз он так ценит эту игрушку – значит – она того стоит. Что такое, в сущности, настоящая машина для большинства мужчин? Та же игрушка, только обходится в тысячи раз дороже, да еще и ремонта требует...

– Это же ручная работа. – Макс убрал коробочку в карман. – Некоторые считают мое хобби сплошным ребячеством. Мол, я тупо трачу деньги.

Ей не хотелось знать, что за женщина так обидела его. Конечно, женщина. Мать? Подруга? Жена? Не все ли равно? Сейчас он ждал Ольгиных слов. Ее отношение внезапно стало во главу угла: принимаешь ли ты мой мир таким, каков он есть? С его несовершенством и ребячеством? С его доверчивостью и обидчивостью? Может быть, уже через час это перестанет быть важным для него, но сейчас, в эту самую минуту Макс зависел от нее, как ни от кого другого на свете. До смешного зависел. До слез. Она видела их, еще не навернувшиеся, глубоко запрятанные – уже научился скрывать себя истинного. Как однажды научилась она сама, как учимся мы все, рано или поздно...

– Не слушайте их, – проговорила она с нежностью. – Живите, как считаете нужным. Это ваша жизнь, не их. Пусть свою они устраивают по-другому. Людям всегда кажется неправильным или глупым то, чего они сами не делают...

Пока она говорила, слезы навернулись на глаза. Прищуриться заставили и одновременно испугаться: «Да что со мной? Я тысячу лет не плакала. Даже не тянуло».

– Почему – бокс? – неожиданно спросил Макс то, о чем хотел спросить с самого начала. Ольга уже хотела ответить то, чем обычно объясняла свое спортивное увлечение: на тренажерах ей скучно, аэробика – стадный вид, бег трусцой по загазованной Москве – это смешно, но Макс уже ответил за нее:

– Вы так беззащитны? За вас совсем некому заступиться?

– Ну, черт возьми! – выкрикнула она и почувствовала, что выдала себя слезами. – Откуда ты все знаешь?

И тут же зажала рот сложенными «лодочкой» ладонями: «Как я могла?! Поиграться решила... Доигралась! Нервы уже не те...» Не позволив ему увидеть слезы, до боли куснула губу.

– Извините, Макс. – Ольга опустила руки. – Не знаю, что это со мной. Я вовсе не беззащитна, с чего вы взяли? И что, неужели похоже, что за меня и в самом деле некому заступиться?

Он ничего не ответил на это. Взялся за руль и заставил ее «Рено» отправиться в путь. Машина подчинилась ему беспрекословно.

– У вас слезы на глазах, – сказал Макс, не глядя на нее. – Почему-то мне кажется, что вам сейчас нужно поплакать. Видите, как я вовремя подвернулся, чтобы за руль сесть? А петь не надо... Вам ведь сейчас совсем не хочется петь. Мне расхотелось боксировать. Вам расхотелось петь. Бывает. При мне вы можете делать что угодно, меня ничто в вас не разочарует. Вы просто не представляете, что вы значите для меня... Но не я для вас, это понятно. Можете просто забыть, что я здесь.

И Ольга не нашлась чем возразить ему. Не спрашивая себя, почему слушается его и как выглядит в глазах этого совсем незнакомого мальчика, она отвернулась к окну, и многолюдная Тверская тотчас расплылась ее слезами, «Пекинская утка» за окном утонула в них. Из глаз лилось так неудержимо, что невозможно было понять, как ей удавалось удерживать слезы в себе столько месяцев? Или даже лет... Когда она в последний раз чувствовала себя защищенной настолько, чтобы расслабиться до слез?

С утра до вечера – улыбка. Она подтягивает кожу. Защищает душу от завистливых взглядов: у меня все прекрасно, лучше и быть не может! Она уже не ощущается на лице, как растушеванные кисточкой румяна. Деталь макияжа, которую также стираешь, возвращаясь домой. Там некому улыбаться. И защищаться не от кого. Пашка превратился в Поля. Муж умер. Еще при жизни умер, когда начал истязать Ольгу недоверием к ее молодости. Его шестьдесят семь против ее сорока оказались для него мукой мученической. После первого инфаркта начал испытывать ее своей притворной смертью. Ложился то на диван, то на пол, то прямо на траву, если были на даче, принимал неловкую позу, словно упал, подкошенный болью. И терпеливо ждал, когда Ольга обнаружит его. В первый раз она, увидев его на ковре, закричала так страшно, что просто не могла поверить, когда Вадим повторил этот спектакль во второй раз.

«Да что с тобой?! Зачем ты так поступаешь со мной?» – пыталась она достучаться до его сердца, которое и вправду болело и от этого ожесточилось. Неужели он так ненавидел в последние месяцы ее молодость, ее красоту, ее талант – все, во что влюбился когда-то? Когда Ольга в очередной раз нашла его на полу, даже подошла не сразу. Только проговорила устало: «Ну, хватит уже... Сколько можно?»

А когда поняла, что это его последнее представление, ощутила такое опустошение, что даже не смогла сразу вызвать «неотложку». Сидела рядом с мужем на полу и смотрела на синюю пуговицу его рубашки, наполовину ушедшую в петлю. Маленькое полукружье синело ярким глазком, будто Вадим подмигивал на прощанье, после смерти обретя себя прошлого: искрометного героя-любownika, блестящего рассказчика, с которым они могли говорить и говорить, не замечая времени. Ночи пролетали за разговорами, которые и были главными в их любви. Все физическое было для него уже почти недоступно, а для Ольги не так важно.

Это сейчас «грушу» молотить приходится, чтобы унять телесную тоску. А любовники все такие попадают, что вокруг да около ходят петухами, грудь выпячивают, в постели же барахтаются беспомощными цыплятами... И каждый еще смеет говорить: «Мне с тобой было так хорошо!» Еще бы, она же чуть наизнанку не вывернулась, чтобы его взбодрить хотя бы до полуготовности. Им-то, может, и вправду хорошо бывает...

Стараясь не поворачиваться к Макс, она вытянула из сумки салфетку, промокнула глаза. В маленьком зеркальце отразился ужас: опухшая морда, глаза красные, как у маньяка...

«Вот спасибо! – с обидой послала она Макс. – Предложил поплакать! Теперь только домой».

– Отвезите меня домой, – попросила она. – Я живу возле Цветного бульвара.

Не споря и не уговаривая, Макс заметил:

– Классное место.

– Не Столешников переулоч, конечно, это там, говорят, самая дорогая недвижимость, но мне на Трубной нравится. Детей всегда много поблизости. Некоторых, правда, они раздражают... К метро не пробьешься.

– Да, цирк же рядом, – вспомнил он. – Я был там еще при Никулине.

– Я тоже была. Только с сыном, – зачем-то подчеркнула разницу их возраста. – Можно гордиться тем, что мы своими глазами видели Юрия Владимировича в работе... А в квартире, где я сейчас, жили еще родители мужа. Он там и родился.

Он помолчал:

– Почему-то я подумал, что вы не замужем.

– Он умер.

Эти слова уже давались ей без труда. В первые годы они застревали в горле, начинали рвать его изнутри.

Так ни разу и не позволив себе взглянуть на нее, Макс пробормотал:

– Принято извиняться, когда коснешься такого... Извините.

– Думаете, я из-за этого разревелась тут? – Ольга невольно шмыгнула носом и слегка испугалась: не вышло ли это вульгарно?

– Думаю, и из-за этого тоже.

«Конечно, он прав, – признала она. – Недаром же сразу вспомнилось о Вадиме. Чего больше осталось мне от него – обиды или благодарности? Он научил меня играть по-настоящему, без фальши. Сделал для меня больше, чем кто-либо из учителей, режиссеров... Сына подарил. А последним отрезком перечеркнул всю нашу жизнь. И послесловием: на похоронах какие-то бывшие любовницы вдруг всплыли, рыдали у гроба. А у меня сил не было их выгнать. Остались нелюбовь и обида. Не на него даже, на себя, что была такой слепой душой столько лет. Может, потому и пустилась после похорон во все тяжкие... И остановиться не могу».

– Макс, я никогда не была в Переделкино, – выпалила она, внезапно решившись. – Стыдно признаться, но все как-то не получалось.

Он бросил на нее недоверчивый взгляд – осмелился-таки посмотреть на зареванную артистку.

– Так вы...

– Поехали к вам. Вы меня заинтересовали своей коллекцией.

– Супер! А что еще я вам покажу! – тотчас ожил он, заерзав на сиденье.

– Трупы шести жен в потайной комнатке?

Рассмеялся охотно. Уже в тягость были эти слезы, этот серьез. Ей самой – в тягость...

– Я не назвал бы это трупами, но тела обещаю.

– Господи, Макс!

– Это не так страшно, как вы думаете.

Ольга догадалась:

– А, вы о своих скульптурах?

– И о них тоже.

Ей внезапно не увиделось даже, а почувствовалось: его руки лепят ее тело. Умело, уверенно, осторожно. Выводят линию груди, живота, палец уходит в небольшое углубление. Когда лепят женские бедра, это похоже на работу с вазой? И скульптор относится к ней столь же бережно? Одно неловкое движение – и все испорчено, перекошено, смято... У нее никогда не было скульптора в любовниках... Да и других-то было не так уж много. Это только принято думать, что у актрис опыт Клеопатры, на самом деле все точно так же: у каждой – своя судьба. Свой путь. Ее был освещен маяком одной любви. Это потом возникли тусклые фонарики.

– Так что? – нетерпеливо спросил Макс. – Куда вас везти?

– Мы едем в Переделкино, – произнесла Ольга решительно. – Разве вы еще не поняли этого?

* * *

Ее лицо обладало уникальной способностью восстанавливаться. Приобретенный актерский навык? Сама не помнила, как там было раньше – до профессии. Но когда приходилось рыдать на сцене, была уверена, что на поклон уже выйдет красавицей. Она не подозревала, что вид у нее в эти минуты немного растерянный: после трагедии Медеи, от которой сердце рвется на части, – да в мир, где этому аплодируют.

Макс видел, как ей было не по себе, когда спектакль, который с ее участием он увидел первым, закончился. С каким недоумением Ольга всматривалась в лица зрителей: кто они? Откуда? И то, что она так мучительно соглашалась на признание только что случившейся с ней беды сплошным лицедейством, тронуло его еще больше, чем ее игра. Которая была пронзительной – у него даже слезы пару раз навернулись.

И, кажется, именно в этот момент Макс увидел в актрисе женщину. Немного потерянную, словно ее разбудили в шумной зале во время бала, к которому она была не готова: лохмотья вместо платья, волосы не убраны, смятение в душе... Ему не поверилось, что и это тоже может быть игрой. Что-то неправдоподобно искреннее обнаружилось в этой женщине... Красивой женщине, по телу которой его взгляд струился с восторгом скульптора, который всегда чуть больше, чем просто мужчина. Он может сам создать совершенство. Он всегда Пигмалион.

Но Ольга Корнилова не была совершенной. Она была живой. Руки ее беспомощно цеплялись за платье... Уже в следующий момент Ольга справилась с собой, может, никто больше и не заметил той сбитой с толку девочки, что внезапно напомнила о себе. Большеротой и долгоязыкой, которой мальчики не писали записок. Годами учившейся не стыдиться себя. Научилась...

И сейчас в машине она пришла в себя также быстро, уже улыбалась, точно и не было только что этих слез ни о чем и обо всем сразу. И веки уже не красные, не опухшие – скоростная регенерация какая-то. То смеется, то плачет. Сплошная эмоция, а не женщина! А может, наоборот – женщина до мозга костей. Истинная. Познать такую и значит – стать мужчиной. Все девочки, что были у Макса до этого, ничего не открыли ему нового в самом себе. Их любовь (если секс наспех, с голодухи можно было назвать любовью!) ничего не изменила в нем самом, не помогла ему вырасти.

Ну, первый раз, конечно, был потрясением, как у всех... И, почти как у всех, неприятным потрясением и разочарованием: «И это все?» И грязно, и быстро, и стыдно... Удовольствия почти никакого ни ему, ни ей, такой же девочке, однокласснице. Что она могла ему дать? Сама еще ничем не напилась в этой жизни...

Он незаметно скосил глаза на Ольгу, уже спрятавшую скомканный платочек: слез как не бывало. Минуты не прошло – она уже другая. Есть чему поучиться. То внутреннее чутье, что отличает всех художников, подсказывало Макс, что именно эта женщина способна открыть что-то важное в нем же самом и для него. Только для этого нужно слиться с ней так близко, чтобы из тела в тело перешло некое знание... Взаимообмен. Хотя то, что может выплеснуть в нее он, не так уж для нее важно. Правда, он читал, что мужская сперма полезна для женского организма. Особенно в определенном возрасте.

На последнем слове Макс то и дело спотыкался. Это было тем препятствием, устранить которое было не под силу... И он боялся, что Ольга так и не сможет его преодолеть, сделать вид, что его вовсе не существует. Для него самого это не имело такого значения. Ты – моя женщина, я – твой мужчина. И все. Есть только плавные, будто совершающие магические пассы, движения ее рук... Беспокойные ноги, которые вроде уже готовы разойтись, впуская желание – и его, и свое, а потом опять сжимаются запретом... Ее волосы, которые Макс уже почувствовал на своем лице, вдохнул их аромат... Теперь так и мерещится, как Ольга наклоняется над ним, опрокинутым ею навзничь, окунает сверху, вопреки законам физики, в свою тьму.

От желания уже в башке мутится, будто желток внутри плавает, какая, к черту, разница, сколько этой женщине лет?! Как у Высоцкого: «А мне плевать, мне очень хочется...» Но для Ольги, судя по всему, есть эта разница... Эта вспышка истерики, как он понял, именно от осознания непреодолимости возрастного барьера. Можно сделать вид, что не замечаешь его, но от этого он никуда не денется.

Но самого Макса больше ужасало то, что никакой другой женщиной, хоть несовершеннолетней, Ольгу сейчас не заменишь. То есть теоретически можно, да и практически наверняка получится, но это будет не то, не то... Желание-то – векторное, определенно направленное. Подмена – она и будет подменой. Китайские подделки под «Версаче» того не стоят, хоть внешне и выглядят не хуже. Все дело в тонкостях...

– А как вы обычно добираетесь до своего Переделкино, если у вас нет машины? – неожиданно спросила Ольга, вернув его к действительности, и заметила: – Смешное название – Переделкино. Сразу напоминает Самоделкина...

С трудом сморгнув наваждение, Макс откашлялся:

– У вас маленькие дети?

Она вскинула брови, заморгала от неожиданности:

– Почему вдруг такой вопрос?

– Если вы Самоделкина помните – значит не так давно читали детские книжки...

– Давно, – произнесла Ольга жестко.

Может, ему еще год рождения назвать, подумалось с раздражением. Хотя почему бы и нет? Чтобы не было никакой неясности, никакой двусмысленности. Сама ведь этого терпеть не может.

– Мой сын, наверное, ваш ровесник, – заставила себя произнести легким тоном. – Так что такие книжки мы читали с ним лет двадцать назад. В прошлом тысячелетии.

– Мне двадцать два, – произнес он с вызовом, будто признавался в тайном пороке.

Ольга так и обмерла: «Совсем пацан...» Через силу выдавила улыбку:

– Пашке двадцать шесть. Он сейчас живет в Париже.

В мыслях мелькало молниями: «Куда поперлась с мальчишкой? Усыновить его решила? Что ты вообще делаешь?!» Она вдруг ощутила такую беспомощность! И, распластанная на ковре, не могла шевельнуться от боли: такие мальчишки уже не для тебя. Поздно. Все поздно. Тебе кажется, что каждый рассвет все так же обещает самое невозможное, о чем мечталось перед сном, всегда только мечталось... Но он же высвечивает и календарь на стене: сорок семь лет!

Почему она не держалась за каждый день? Как могла допустить, чтобы вечера, когда нет спектакля, проходили впустую – у телевизора, не отличимые один от другого? От тысяч других... Зачем принесла в жертву собственной лени те утренние часы, что просто провалялась в постели, когда за городом звенели шмели и чьи-то губы могли пахнуть медом, цветами... Чьи? Может, его? Почему бы и нет?

«Нет! – испуганно вскрикнуло все в ней. – Это было бы... издевательством над собой! Зачем? Чтобы постоянно помнить о том, что он заметил этот проклятый целлюлит и выступившую на ногах сетку сосудов? Брюки носить приходится, а если что-то короткое, так только с чулками...»

Ей вдруг вспомнилось, как в возрасте Макса она шла по Цветному бульвару в самодельной мини-юбке на тоненьких каблучках, ноги голые, еще не требовалось прикрывать их колготками. Попавшийся навстречу парень без слов улыбнулся, прицелкнул языком и поднял большой палец. Она в ответ сверкнула глазами: «Я знаю!» И действительно знала, что такие ноги еще поискать...

«Ах, если б у всех женщин были такие ноги, как у тебя! Это был бы рай на земле», – это сказал ей другой, кажется, еще раньше. А может, позже, но все равно давно это было. Странно, только это воспоминание не расстроило ее сейчас, а разозлило, раззадорило: «Да что это я себя списываю?! Черта с два! Если в сорок лет жизнь только начинается, под пятьдесят она – в самом расцвете. Бальзак, паразит, записал тридцатилетнюю женщину в отжившие, и пошло с тех пор это мерзкое – «бальзаковский возраст»...»

Одна ее знакомая, бывшая артистка, которая даже Ольгу до сих пор считает девочкой, сказала как-то в приватной беседе за рюмкой чая: «Я тут пыталась понять, когда у женщины пропадает желание... И поняла: никогда!»

А если хочет любви, решила уже сама Ольга – значит молода, потому что у женщины этого мучительного расхождения желания с возможностями не бывает.

– Я привыкла выполнять обещанное.

Она произнесла это как вызов, а он даже не понял, о чем идет речь. Ольге пришлось напомнить, что она обещала (ну, почти обещала!) спеть ему тот романс, что, как на грех, так легко вспомнился. Ее глупые слезы нужно чем-то затмить, чтобы Макс не посчитал ее истеричкой, погрязшей в климаксе.

«Хотя, – усомнилась Ольга, – у некоторых мужиков женские слезы вызывают прилив нежности. Покровительственной такой: мол, она слабая, беспомощная, мое плечо – в самый раз. И не догадываются, что слезы помогают наполниться новой силой. Она восстанавливается в женщинах, как запасы крови. Так уж природа создала...»

– Так вы, правда, споете? – Он искренно обрадовался, засветился весь, заерзал от нетерпения.

Она закусила губу: «Ну, пеняй на себя... Это на всех безотказно действовало!» Сказала весело:

– А почему бы и нет? Хороший романс – как хороший роман.
– Написанный или...

Задумалась только на секунду:

– И то, и другое, пожалуй.

И положив руку на спинку его сиденья, будто приобняв, чтобы создать атмосферу интимности, она вывела низким голосом – в пении еще более низким, чем обычно:

– Я ехала домой...

Многие говорили, что Ольга поет как-то особенно: мурашки по коже бегут от той с трудом сдерживаемой страстности, которая вибрирует в ее голосе. Она всегда пела тем, кого хотела особенно мучительно и сомневалась, что добьется своего другими средствами.

Все это было, конечно, дико: машина несется по Садовому кольцу, а перемещает их в век девятнадцатый... Такие взгляды разве может на нее бросать двадцатилетний мальчик? Или только такой и может? Те, что постарше, уже разучились так смотреть, так чувствовать, так воспламеняться от одного лишь звука голоса... Все-таки он – музыкант, она угадала. Пусть и не в привычном понимании этого слова...

«О, молодой генерал своей судьбы», – чуть переименовала она Цветаеву – в стихах было во множественном числе. Но другие из его поколения не интересовали. Сейчас в одном-единственном сосредоточилось все, что жаждало ее существо...

Надолго ли? Это не важно. Она знала, что миг придуманной любви бывает ярче прожитых вместе десяти лет. Не писателям поверила – сама прочувствовала, и не раз. Правда, с мужем прожила двадцать, и они уж так слились воедино, что искрой, прилетевшей со стороны, не прожжешь. В то время такой вот Макс еще наравне с ее сыном в школу ходил...

В душе отозвалось тоскливо: «Хочу к Пашке... Хоть увидеть его, полминутки потискать, как в детстве. Так хочу!»

Романс закончился. Макс забормотал что-то восхищенное, не надуманное. Но в тот момент она только бесстрастно констатировала: зацепило. И больше не обращая внимания на Макса, который уже повернул с Садового кольца на Кутузовский, чтобы выбраться на Можайское шоссе, достала телефон, вызвала сына. О Максе подумала: «Притянула пением, теперь самое время слегка оттолкнуть, чтобы охотничий азарт не угас. Я еще не досталась ему!»

Легкое недовольство собой: «Как всегда оторву его от дела...» Сын уже откликнулся:

– Мам? Привет!

Когда она слышала этот голос, у нее начинало радостно подрагивать в груди.

– Привет, сынка! Знаешь, у меня тут выдалась парочка свободных дней. Я хочу тебя повидать.

Быстрый взгляд Макса... Она не ответила на него.

– В смысле? – опешил Павел.

Ольга сразу почувствовала себя отвергнутой, не нужной даже сыну. Ей это всегда удавалось: за секунду прочувствовать то, на что другим требовались недели. В роль вживалась мгновенно, начинала говорить другим языком, видеть не своими глазами. Со временем научилась, выходя из театра, переключаться на себя саму, а в первые годы тяжело пришлось...

– Ты очень занят? – виновато спросила у сына.

Вот этого не стоило произносить вслух, тут же одернула себя. Этот мальчик видел ее в окружении поклонников, осыпающих цветами, не нужно развенчивать легенду о том, что в ней нуждаются все и сразу. Если б так было...

– Ты собираешься прилететь? – Кажется, сын все еще не мог поверить в это.

– Не стоит? Извини, это действительно бредовая идея.

Но Павел уже пришел в себя:

– Да что ты, мам! Прилетай, конечно. Я просто не сразу сообразил, о чем ты... О чем речь? Это просто классно будет!

– Правда, классно? – намеренно повторила она вслух.

– Еще бы! Здесь как раз намечается фестиваль «Божоле». В третий четверг ноября, как обычно.

– Третий четверг – это послезавтра, – сообразила Ольга.

– Ты ведь любишь это вино, да?

– Я тебя люблю, – сказала она, не стесняясь Макса, и вдруг опять покраснела, точно обоих мужчин поставила в двусмысленное положение. Не в ее стиле это было... Она не любила столкновений интересов, даже если дело касалось распределения ролей.

Сын отозвался без экзальтации:

– Я тоже, мам. Так когда тебя ждать?

– Послезавтра?

– Давай, послезавтра. Я освобожусь ото всех дел. Ты только позвони, во сколько прилетаешь, я встречу. Если вместе с Софи, ты не против?

– Я и по ней соскучилась, что ты думаешь?

Ольга не покривила душой: никакой ревности в ней не было к той маленькой француженке, в которую влюбился ее Пашка. Наверное, все дело было в том, что она всегда любила сына больше, чем себя саму, и его счастьем наслаждалась, как собственным. Приятельницы ей не верили: «Да ты просто умеешь скрывать свою ненависть!» Ольга не могла понять: за что ей ненавидеть Софи? За то, что она подарила ее мальчику Париж и поселила в своей квартире, доставшейся от бабушки – русской эмигрантки (на чем они и сошлись в самом начале: неодолимое притяжение корней)? За то, что ввела в круг парижской богемы, о чем Пашка и мечтать не смел? За то, что месяцами помогала ему учить французский и познавать нюансы быта? Да эта черноглазая девочка стала для него настоящим подарком судьбы! А заодно и для Ольги, потому что все пособия по языку потом достались ей, и теперь она могла объясняться в Париже вполне сносно. В прошлый приезд убедилась в этом и в благодарность совершенно искренне расцеловала Софи.

– Так вы улетаєте? – спросил Макс, когда она спрятала телефон.

– Похоже, что так. – Она улыбнулась и зажмурилась. – Я так давно его не видела...

– Стоило мне появиться, и вы улетаєте на край света.

– Париж – край света? Вы плохо учили географию, Макс?

Ей было так хорошо сейчас, что она позволила себе добавить голосу игривости. Самую малость. Не до такой степени, когда женщина ее возраста становится смешной. Мопассана хорошо помнила: не кокетничать сверх меры, не сюсюкать, не прыгать пустоголовой пташкой, это к лицу студенточке, а если она станет так себя вести, то рискует вызвать раздражение. Надо бы еще раз перечитать «Милого друга». И Стендаля. Да и Бальзака заодно...

– Нормально учил, – холодно отозвался Макс. И вдруг спросил так требовательно, будто имел на это право: – Оля, почему вы вдруг решили уехать?

Он повернулся к ней на секунду – на Кутузовском лучше не отвлекаться от дороги. Но за эту секунду Ольга успела разглядеть то, что боялась увидеть. И содрогнулась: «Нет! Не надо этого! Всерьез – не надо. Я сама этого не хочу!»

– Я очень давно его не видела, – проговорила она тихо. Это не должно было прозвучать так, будто она оправдывается.

– А вчера вы уже думали о том, чтобы полететь к нему?

– К сыну, – произнесла Ольга с нажимом.

«К нему» – это воспринималось так, будто речь шла о другом мужчине. Равном ему. Но с Пашкой никто не мог встать вровень. До сих пор такого не было. Да и быть не могло!

– Вчера я еще не знала, что на неделю спектакли отменяют. У нас пожар в театре случился. В «Новостях» передавали, не слышали?

«Зачем я упомянула «Новости»? – Ольга даже поморщилась от досады. – Мне что, нужно чем-то подтверждать свои слова? Оправдываюсь, что ли? Еще не хватало! Какая, в сущности, разница, поверит мне этот юнец или нет?»

Оттого, что она опять кривила душой, и от самой себя пыталась скрыть, что разница-то действительно возникла – ниоткуда! – ей стало тошно. И захотелось закурить, хотя Ольга в последнее время редко позволяла себе это, голосовые связки берегла. В мыслях уже мелькнуло: «Вдруг ему не нравится, когда женщина курит? Спортсмен ведь...»

Она едва не выкрикнула вслух: «Да я и не собираюсь ему нравиться! Мне вообще плевать на то, что он подумает! Он младше меня на двадцать пять лет! Это же вечность, черт возьми... Да и не только в этом дело... Вся эта возрастная разница – не самое страшное. Хотя – страшное... Но еще страшней этот его серьез. Этот мальчик слишком... настоящий. Он из тех, кто женится на тех, с кем спит. А мне-то это зачем? И куда я с ним еду, интересно знать?!»

Но в истерике хвататься за руль было не в ее духе. Поехала так поехала. Там видно будет. Не изнасилует же он ее. И она его тоже.

Снова стало смешно: «А хотелось бы? Такой мальчик... Наверняка весь крепенький, как молодой дубок. Фу, пошлость какая!»

Не скрываясь, Ольга рассмеялась, откинув голову. Сиденья у нее в «Рено» не кожаные, затылок не утопает. Зато и не уснешь за рулем, размякнув.

– Я кажусь вам смешным?

– Да что вы, Макс! – откликнулась она устало. – Это я сама себе кажусь смешной.

– Вы не можете быть смешной.

– А вот это уже упрек в непрофессионализме! Я ведь и в комедиях тоже играю. Не видели?

Он качнул головой:

– Ваша... героиня может быть смешной. Нелепой. Некрасивой. Вы какую угодно сыграть можете! Но вы сами смешной быть не можете. Вы – самая потрясающая женщина из всех, кого я встречал в жизни.

Ее вдруг охватило разочарование:

– О-о! Макс, чего вы от меня добиваетесь? Вы так откровенно мне льстите... Вам для кого-то нужна протекция в театре? Или что? Почему вы вцепились в меня мертвой хваткой?

– Не знаю.

Его слова только углубили разочарование: не знает. Ольга мигом призвала на помощь всю свою иронию: «А ты ожидала, что он признается тебе в любви с первого взгляда? Нелепо... Пора уже понять наконец: вспышки страсти остались позади. Только отсветы зарниц еще видны, вот до тебя и не доходит, что это все в прошлом. Свет будущего совсем другой. Без вспышек. Не так уж это и плохо...»

Но, не принимая насмешек, душа ее лепетала свое, жалобное: «Господи, не дай мне влюбиться в него! С ним невозможно будет просто переспать... Потом его вообще из себя не изгонишь!»

– Я не знаю, почему я вцепился в вас, – повторил Макс.

Глуховатый голос, низкий – не актерский. Со сцены его не расслышишь. Ольга выпрямилась, приготовилась принять удар. Лучше сейчас, не так больно будет. Да вообще не больно! Не больно...

– Мне вдруг показалось... невозможным... если вы вдруг уедете. Там, около спортклуба... Думаете, я правда дождя испугался?

Ольга растерянно заморгала: так он... И снова взмолилась: «О господи, нет! Зачем позволил моему сердчишку провалиться в эту радость?! Ведь не нужно мне этого! И ему не нужно».

– Мне показалось, что... – Макс быстро взглянул на нее: не смеется?

– Что? – спросила она, глядя на свои сдвинутые колени, прикрытые тонкой паутинкой.

Сами сжались, будто он мог ворваться в нее прямо сейчас посреди Кутузовского проспекта, в потоке машин.

– Что мир сейчас пустит трещину. Разломится надвое, если вы уедете. Меня прямо в жар и бросило от ужаса. Я не знаю, почему! Но я не мог вас отпустить, понимаете?!

– Все, Макс, – остановила она решительно. – Больше ничего не говорите.

Он послушно замолчал. Потом все же спросил:

– Почему?

– А вам надо это объяснять? Не идиот же вы! – Ольга выкрикнула это от беспомощности: не заставляй же меня повторять, сколько мне лет!

– А что-то может иметь значение, когда мир разламывается надвое?

– Не разломится, – отрезала она. – Можно подумать, что вы испытали это ощущение в первый раз! Если вообще испытали, а не придумали только что...

– А вы что, вообще не верите в любовь с первого взгляда?

– Детский сад! – вырвалось у Ольги. – Не смешите, Макс.

– В смысле: где вы и кто я?

– В любом смысле. Не раздувайте вы из мухи слона! Я уже, честное слово, жалею, что вообще поехала с вами.

Он вдруг поймал ее руку, быстро сжал и выпустил:

– Нет, Ольга! Я просто хочу, чтобы вы побывали у меня в гостях. Работы мои посмотрели. Коллекцию. Ничего преступного, верно?

«А зачем тогда касаться меня?» Она улыбнулась:

– Какой-то странный у нас разговор... Не нужный. Расскажите-ка лучше о себе! Вы – скульптор. Вы что-то заканчивали?

Макс тоже попытался переключиться:

– А то! В Строгановке учился. Правда, заканчивал уже заочно...

– Солидно, – отозвалась она с уважением. – Так что же вы все-таки делали в Кемерово? Его лицо мгновенно нахмурилось.

– Вот как раз об этом мне точно не хочется говорить.

– Город не понравился?

– Нет, город хороший. Местами даже красивый. Бор там просто потрясный... И людей хороших много. Но мне и здесь всегда везло с людьми, хоть и кроют москвичей на чем свет...

У нее вырвалось:

– Я вообще-то не москвичка. По рождению. Но я так давно здесь живу!

– Откуда же вы?

– Не поверите, – предупредила Ольга. – Почему-то это у всех вызывало изумление. Из Ялты.

– Из Ялты?! – тоже удивился он. – Как можно уехать из Ялты?

– А как там жить? – Она опять позволила себе расслабиться и закрыть глаза. – Как идти на работу, когда все отправляются на пляж? Да и нет там работы. Мои одноклассники шашлыки жарить пошли, девочки – горничными в «Интурист»... В Ялте отдыхать хорошо. Наверное, и сейчас тоже, я там давно не была. Мы с родителями оттуда уехали, когда я еще в школе училась, за Чертаново зацепились. Все же Москва... Мои и сейчас там живут.

– А в Крым ездите? Теперь другая страна...

– Не езжу. Как-то не к кому. Отдохнуть за те же деньги и в Эмиратах можно, и в Египте. Макс хмуро повернул:

– В Париже...

Не позволив ему развить эту тему, она заметила, глядя на отсыревшую от дождей Москву:

– Ялту, говорят, теперь не узнать. А мне нравился как раз Старый город: узкие улочки, вертялые такие, и все вверх, вверх – к небу! А оттуда – такой вид! – закинув руки за голову,

Ольга издала протяжный вздох. – Даже не знаю, где еще есть такая красота... Магнолии розовеют... Парк весь в розах... Чернильные пятна от шелковиц на тротуарах... Заборы средневековые, каменные, а из-за них дикие крики раздаются.

Макс вопросительно заулыбался:

– Какие крики?

Она завопила гортанным голосом:

– Дай нож! Я сказала: дай нож! – Ольга довольно отметила, что он сначала вздрогнул, потом уже рассмеялся. – Это не отголоски убийства. Так у нас женщины ужин готовят. Темперамент – через край.

Ей подумалось, что это прозвучало неловкой саморекламой. Хотя, может, ему и нелишне будет узнать это...

– Вот воздуха ялтинского мне ничто не заменит... – Она вдохнула полной грудью, будто могла прочувствовать то, о чем говорила. И заметила, как его взгляд огладил ее... Улыбнулась как бы воспоминанию: – Это сплетение ароматов цветов, персиков, моря, кипарисов. Его пьешь, этот воздух, наполняешься им. Даже если там живешь постоянно, не перестаешь наслаждаться. У нас дом на горе был, я по вечерам... (там же рано темнеет, как и в Москве, впрочем)...

– И вы по вечерам...

– Открывала окно веранды, которая и была моей комнатой. И из этого окна была видна вся Ялта. И горы, совершенно черные ночью. И море, которое всегда слышишь, где бы ни находился. Я слышала.

Ему вдруг увиделось, как она стоит у окна в одном легком халатике на голое тело, уже готовая ко сну. Облокотилась на низкий подоконник... А он прижимается сзади, входит в нее безо всякой прелюдии. И она вскрикивает от неожиданности, но выпрямиться он ей не дает, упирается ладонью в спину: наслаждайся, милая! Приглушенными ароматами, симфонией ночных звуков, мной...

Макс беспокойно заерзал: так и не доедешь, пожалуй! Ничего не заметив, Ольга продолжала вытягивать паутину воспоминаний, опутывать его по рукам и ногам:

– Мы с бабушкой любили зависать на этом окне и разговаривали перед сном. Она прожила в Ялте всю жизнь. А умерла в Москве – ко мне в гости приехала.

– Она здесь и...

– Нет. Я увезла ее обратно. Было бы до жути несправедливо лишить ее напоследок той земли, в которую она выросла.

Макс взглянул на нее с каким-то суеверным страхом:

– Как вы с этим справились?

– Тогда у меня был муж. Он все организовал. Это не просто было... Я могла себе позволить просто сидеть рядом с ней и плакать.

– А если бы это случилось сейчас?

Не стала скрывать усмешки:

– Вы так пытаетесь вывести, есть ли в моей жизни мужчина? Собираетесь продать информацию «желтой» прессе?

– Деньги мне не помешали бы, – заметил он меланхолично. – Вы подкинули хорошую идею!

Ольга изобразила суровость. Не очень старалась, и вышло неубедительно.

– Тогда я больше не пророню ни слова!

– Нет уж, выкладывайте всю подноготную! С кем, сколько раз и, главное, где в следующий, чтобы папарацци успели.

Салон машины заполнился пронзительным голосом базарной торговли:

– Ишь ты, губу раскатал! Где да с кем Расскажи ему! Много будешь знать – скоро составишься.

«Черт! – выругалась она про себя. – Почему все, что я ни говорю, сводится к возрасту?!»

Но Макс не обратил на это внимания. Беззаботный смех, мальчишеская челка упали на лоб, кожа-то какая, боже мой... А бриться ему, наверное, приходится дважды в день – щетина пробивается сквозь эту нежную преграду. Все-таки мужчина, не мальчик... У нее предательски обмерло сердце – представилось, как она прижимается к этой потемневшей щеке, трется о нее, наслаждаясь незнакомым теплом. Этого и вправду хочется? Она вонзила ногти в ладони: очнись! Хватит уже. Дома, под одеялом побалуешь себя фантазиями, а сейчас опасно... Он слишком близко. Так близко...

Ей нестерпимо захотелось сию же секунду заставить Макса съехать с этого чертова Можайского шоссе и остановиться. Чтобы протянуть руку. Чтобы взять все, чего так хочется. Почему – нельзя? В чем преступление? Это ведь не кровосмешение, на самом деле, не сын же он ей, хоть и годится... Она годилась Вадиму в дочери, но его же это не остановило! Однако то, что позволено Цезарю... Мужчины могут разрешить себе все, что угодно. Думают, что могут... Потом беспомощно ползают по кровати, умоляя о помощи, жалкие, пахнущие старостью... Таким был муж в последние годы. Каждый день с маниакальным упорством пытался овладеть ее телом (душа-то безраздельно принадлежала ему, он знал), сам мучился и ее мучил. Даже кричал, что она фригидна, оттого у него и не выходит ничего, хотя Ольга уже шла на то, чтобы актерствовать, соблазнять стриптизом, чего раньше никогда себе не позволяла. Считала, что в постели должна царить искренность. Но Вадим вынудил ее изображать шлюху, и на первых порах это чуть-чуть помогло. Потом стало не то, чтобы хуже, а совсем никак.

«И теперь я пытаюсь повторить его ошибку?» Она ужаснулась, вообразив, что может показаться Максиму такой же омерзительной и ничтожной в своей тщетной попытке отвоевать у жизни еще немного любви. Не ради этого ли боксом занялась? Чтобы научиться драться за то, что так хочется заполнить...

– С вами не соскучишься, – весело сказал он. – Я давно уже не чувствовал себя ни с кем так легко.

– А легко – это, по-вашему, хорошо?

– А зачем нужно, чтобы все было мучительно?

– Потому что в душе для каждого человека любые отношения, как правило, мучительны.

Она упрекнула себя: «Зачем я загружаю мальчика? Ему хочется легкости, и его можно понять. Я же сама только что опасалась как раз того, что он захочет основательности. А ему-то это зачем? Двадцать лет. Какая там любовь?! Он просто реагирует на все, что движется. Эрегирует. Разве мне самой не это нужно? Почему бы и не закрутить роман на один день? Кому станет хуже?»

И опять отозвалось: ему. Не тот это человек, который может выскочить из постели и не оглянуться. Этот оглянется. Уже оглянулся, как она и молила. Зачем, спрашивается?!

– Простите, Макс! Я не хотела забивать вам голову психологией человеческих отношений.

Пусти в нее очередную стрелу взгляда:

– Вам кажется, там одна только тьма?

– Ну, если верить Фрейду...

– Он реально был жутко закомплексованным мужиком, вам не кажется?

– Фрейд?!

– Он самый. Мне кажется, он так много рассуждал о сексе только потому, что неуверенно чувствовал себя в этом деле.

Ольга усмехнулась: «Смело! Так ему – старому Зигмунду... Почему он, кстати, в детстве часто видел свою мать обнаженной, как пишут? Сама показывалась или подглядывал?»

– Может быть, – отозвалась она, разглядывая смуглую руку на руле. Костяшки пальцев сбиты в кровь. Без перчаток боксировал, что ли? У Кима это запрещено... Или просто подрался?

Его мысль неожиданно сделала виток:

– Вы так и не ответили... В вашей жизни сейчас есть мужчина?

– Макс! – опешила она. – Что за нездоровое любопытство?

– Почему – нездоровое? – неподдельно удивился он.

– Да с чего вы решили, что я готова откровенничать с вами?

– Да, действительно, – пробормотал Макс. – Мы еще не добрались до дома.

Ее начал душить смех:

– А там что? Вы поведете меня в исповедальню?

– Мастерская – это и есть исповедальня.

– Согласна. Но только для того, кто в ней работает. Не для меня.

– Я хотел бы вылепить ваш бюст, – признался он и сам засмеялся, услышав. – Ну, в смысле... – показал рукой от макушки до пояса. – А лучше всю вас, целиком... В бронзе отлить? Нет, не решил еще...

Откуда-то всплыла застарелая досада: неподалеку от их школы находилось художественное училище, и многих старшеклассниц студенты-портретисты приглашали позировать. Ее никогда. А ведь она ждала приглашения. Лицо свое с недоумением разглядывала: уже ведь не такой лягушонок, как в четырнадцать лет... Все еще недостаточно хороша?

Когда Ольгу как-то вдруг стали называть красавицей, она каждый раз опасалась подвоха. И теперь эта былая подозрительность дала себя знать: зачем ему мой портрет? И как он собирается меня изобразить? В манере Пикассо – глаза в ушах, нос во рту? Ей понравилась эта фраза из фильма, которую сам Пикассо-Хопкинс и произнес. Был у человека дар посмеяться над собой...

– По-моему, портретов актрис уже с избытком, – заметила она с опаской. – И скульптурных бюстов тоже.

– Тогда уж вообще портретов – с избытком, – парировал Макс. – И всего, чего угодно: музыки, книг... Скажите, зачем люди вообще занимаются искусством, если уже были и Леонардо, и Толстой, и Моцарт? Вы вот зачем выходите на сцену после Ермоловой?

– К театру это как раз не имеет отношения. Это же не кино. Слепков не сохраняется. Никто из живущих не видел, как играла Ермолова. Наше искусство эфемерно, оно растворяется в воздухе, как только мы уходим со сцены.

Он серьезно возразил:

– Что-то остается в душе каждого зрителя.

Сморщив нос, Ольга махнула рукой:

– Это только громкие фразы! Филозов всю жизнь сеял разумное, доброе, вечное, а на него напали сразу после спектакля, избили жутко... Что у них было в душах?

– Это были не его зрители.

– Но что-то ведь эти питекантропы когда-нибудь смотрели! Читали. Из-за белого Бима, наверное, рыдали, как все мы в детстве, а старого артиста не жалко было! Ведь его же в лицо все знают.

– Не все, – заверил Макс. – Хотя он реально стоит того, чтобы его знал каждый.

Быстрый взгляд, умоляющий какой-то, словно просит разрешения сказать:

– И вы этого стоите.

– И вы хотите первым меня увековечить, – отозвалась насмешливо, хотя себе призналась, что это приятно.

Его улыбки были короткими, словно торопливых белых бабочек-однодневок выпускал.

– А вдруг?!

– Я вам желаю этого, – сказала Ольга серьезно. – Не именно с моим портретом, а чтобы вообще, все – на века.

– Да вы ведь еще не видели моих работ. А вдруг я – бездарь?

– Вы? Нет. Не может быть. В вас чувствуется... мощь.

Она ощутила, как опять краснеют щеки. Муж всегда подсмеивался над ней за это: «Ты – вечная гимназистка. Розы алеют на щеках!» Ему нравилось касаться губами ее щек, он говорил, что такие бывают лишь у детей. Но Пашку он почему-то никогда не целовал... Не мог простить сыну того, что он останется с ней, когда самому придется уйти? Нет, это глупо даже для Вадима... Хотя если припомнить все, чем он ее мучил...

Макс только посмотрел на нее пристально. Тоже уловил невысказанное? Брови сошлись черными мазками. В его лице все – мазками. Одновременные четкость и легкость. Тонкий овал, никакой тяжеловесной челюсти, мощных желваков. А сила так и сквозит в каждой черточке, вот странно... Наверное, подобное лицо Цветаева сравнила с клинком. Было у Марины такое? Или это она сама только что придумала? Забывать стала, давно не перечитывала, Фаулзом увлеклась. С «Волхвом» по квартире ходила, одной рукой уборку делая, из другой толстенный том выпустить не могла. Следом «Башню из черного дерева» прочитала, «Мантиссу», «Коллекционера»... Заворожил. А чего еще ждешь от книги? Мердок считала, что в памяти читателя остаются только магия и сюжеты. Остальной выпендраж автора улечувивается, не коснувшись души, к которой литература и обращена. На кого-то действует волшебство одного писателя, на кого-то – другого. В результате у каждого появляется свой читатель, борьба бессмысленна, как в любви – насильно не заставишь очароваться.

– А вот и Переделкино, – объявил Макс, повернув налево. – Экскурсию оплачивать будете?

– А дорого берете? – мгновенно включилась она в игру.

– С вас – одно доброе слово!

– Согласна.

– Тогда посмотрите направо, товарищи! Сейчас мы проезжаем владения губернатора Московской области Бориса Громова.

– О! – вырвалось у Ольги. – Заедем в гости?

Помотав головой, Макс продолжил:

– Теперь взгляните налево. Перед вами дача спикера Бориса Грызлова.

– Неплохо, – вздохнула она. – У вас такой же дом?

– Увидите. – Он загадочно расширил глаза.

«Что за крови в нем намешаны? – подумала Ольга. – Что-то восточное тут явно присутствует... Спросить – неудобно как-то. Может, к слову придется, сам скажет?»

– Так... Впереди у нас речка Переделка. Видите мост? Справа, кстати, Самаринский пруд. Была тут раньше усадьба графов Самариных. Парк обалденный просто – липовый. А из построек уцелел один деревянный дом. Стилем ампира интересуетесь?

Она дернула плечом:

– Да как-то не особенно...

– Вообще-то по Переделкино пешком ходить надо. Ауру впитывать. Здесь же кто только не жил!

Остановила его улыбкой:

– Ну, это я знаю.

Он сразу смешался:

– Конечно... Нашел кому рассказывать...

– Да нет, Макс! – спохватилась Ольга. – Это как раз здорово, что вы рассказываете! Я же только теорию знаю, имена. Живьем никогда не видела. Хотя вообще-то парочка поэтов через мою жизнь прошмыгнула... Из ныне здравствующих.

Нервная усмешка:

– Стихи посвящали?

– А то! – ответила Ольга, как он недавно. – Воспевали мою неземную красоту... У меня даже хранятся где-то автографы.

– Загоните с аукциона, когда знаменитыми станут?

– Не похоже, что станут... Хотя... Кто год назад знал писателя Сергея Минаева? Только его тезку – певца.

Макс удивился:

– А есть такой певец?

«Вот тебе и пропасть между поколениями, – отметила она с легкой досадой. – Конечно, он тех песен и не слышал...»

– Был. Может, и сейчас поет.

– А ваши поэты? Пишут?

– Наверное. Они оба – в прошлом. Я не люблю туда заглядывать...

– Много неприятного?

– Приятного больше, – не постыдилась признаться Ольга. – Не поэтому не люблю... Просто когда часто обращаешься к прошлому, кажется, что мало осталось будущего.

Он сдавленно кашлянул, будто собирался произнести спич:

– Я читал где-то, что только сегодняшний день имеет ценность. Прошлого уже нет, а наступит ли будущее, пока неизвестно.

«А ведь он прав, – это ее даже обрадовало. – Какой смысл бояться завтрашней боли или стыда будущего? Я ведь могу и не дожить до этого будущего? Или просто никакой боли и не возникнет. Что там будет завтра – кто знает? Зато я точно знаю, что мне нужно сейчас...»

Макс опять отвлек ее от мыслей о самом себе:

– Тогда – что? Погуляем потом?

– Потом? – осторожно уточнила она. Но не испуганно, а чуть улыбнувшись, чтобы подтолкнуть его этим движением губ в нужном направлении.

– Ну, я же обещал показать вам свои сокровища... Или вам это на самом деле не так уж и интересно?

– Очень интересно.

Ольга заглянула ему в глаза, чтобы не осталось сомнений. Его ресницы быстро смокнулись, будто Макс поймал ее взгляд, замкнул в себе.

– Правда, Макс.

Проговорила это без улыбки, даже глазами не выдала того, что сильно преувеличила свой интерес. Который был – к нему самому. Но, с другой стороны, его увлечения – это и есть он сам.

– Вообще-то я живу не совсем один.

Ее слегка контузило: так предстоит знакомство с его девушкой?! В маечке выше пупа, в джинсах, висящих на самых бедрах, от которых ноги становятся уродливо короткими... Этой осенью такие уже не в моде, но многие еще продолжают носить.

– У меня один парень снимает домик для гостей. Но он не доставляет хлопот. Не навязчивый.

У нее отлегло от сердца.

– Хорошо воспитан? – спросила она, уже не скрывая, как весело завибрировал голос.

– Немец, – отозвался Макс, будто это говорило само за себя.

– И что он делает под Москвой? С войны окопался?

Макс хмыкнул:

– Ему всего лет тридцать с чем-то... Романтик, каких еще поискать. В Россию стал рваться, когда Высоцкого услышал. Как там у него про баньку?

– «Зато ты мне баньку по-черному»?

Кивнув, он улыбнулся:

– Потрясный мужик, честное слово! Зовут, как Шумахера – Михаэль.

У Ольги вырвалось:

– О! Шуми...

– А вы его... поклонница?

– Вы хотели сказать: фанатка? Можно сказать и так... Я даже перестала смотреть «Формулу-1», когда он...

Макс перебил, не удержал изумления:

– А вы смотрели гонки?!

– Еще как смотрела! И сама себя лишила их после того, как Шумахер уходить собрался. Да еще и не чемпионом... Такой парень! – Она махнула рукой. – Мне именно «Рено» сын подарил потому, что Шумахер на этой машине впервые чемпионом стал. Лучше бы, конечно, «Феррари», но это Пашке пока не по карману. А команда Михаэля тогда «Бенетон» называлась... А ваш Михаэль чем занимается?

– Переводчиком работает в каком-то издательстве. Переводит какую-то лабуду с русского на немецкий. Хотя мог бы и наоборот. По-русски так пишет, многим нашим литераторам и не снилось! Говорит немножко хуже. И с акцентом. Смешной такой...

Почему ей стала так приятна нежность, зазвучавшая в его голосе? Не на нее обращенная... И немца этого она еще в глаза не видела. Но то, что Макс способен относиться к кому-то так трогательно, отзывалось в ее душе робким ликованием. Как говорится, потенциал есть...

И тут же стало стыдно за себя до того, что едва не скрючилась на сиденье. Потенциал... Слово-то какое... Хладнокровный оценщик чужих душевных глубин – откуда он взялся в ней? Когда появился – циничный, скучный – заполнив собой брешь, оставшуюся после ее последней любви? И когда это было? В прошлом веке. В прошлом тысячелетии...

«Я не хочу этого! – едва не закричала она в голос, больше не обращая внимания на то, что показывал ей Макс. – Не хочу жить только прошлым! Разве я уже умерла? Разве состарилась? Неужели я уже разучилась хмелеть от запаха мокрой травы?»

– Остановите!

Машина встала как вкопанная, Ольгу даже швырнуло вперед, ремень, как обычно, не пристегнула. Макс испуганно посмотрел на нее:

– Что?!

– Я хочу выйти. – Она распахнула дверцу и выскочила наружу.

Макс вышел не сразу. О чем успел подумать за эту пару минут? У тетки – климакс, чудит напропалую... Нет, ужаснулась Ольга, он не мог так подумать. Только не он.

– Я что-то не так сказал? – спросил он наконец, выбравшись из машины.

Мотнув головой, Ольга прошла вперед, сунув руки в карманы черного кожаного пиджака, оглянулась:

– Далеко еще до вашего дома?

– Метров пятьсот...

– Тогда поезжайте вперед, я хочу пройтись.

– Что я не так сказал?

– Все так! Я просто давно не дышала таким воздухом. Забыла эти запахи после дождя. Нельзя же забывать их!

Он поджал губы так, будто Ольга ударила его. «Господи, какие у него губы... Зачем Ты дал ему такие?!»

– Мы же хотели прогуляться потом, – напомнил Макс.

– Потом? Видите ли, Макс, жизнь так устроена, что чаще всего это «потом», на которое рассчитываешь, не случается. Вы же сами только что об этом говорили... У меня недавно знакомая упала с горного велосипеда на ровном месте – за бордюр зацепилась. Уже домой

возвращалась... В результате такая черепно-мозговая травма, что даже хирурги не надеялись спасти. Сорок дней в коме пролежала... Сейчас ничего не помнит, полная амнезия, говорить заново учиться. Прежней уже не станет... Видите, что с любым из нас может случиться в любой момент? Поэтому нужно делать то, чего тебе нестерпимо хочется, прямо сейчас. Сию же секунду. Или перестать об этом думать.

– Сию же секунду? – переспросил он.

Громкий удар дверцы, отчего Ольга поморщилась: «Бедная моя машинка!»... Но мысль о ней сразу же сменилась испугом – Макс шел прямо на нее, и она почему-то не могла ни отойти, ни защититься руками. Просто сил не было. Его руки впились в предплечья так, что мелькнуло смутное сожаление: «Синяки появятся...» И растворилось в поцелуе. Со всеми сомнениями... С разницей в четверть века... Со всеми предыдущими возлюбленными...

Словно первый мужчина коснулся ее губ... И только ему она, скрученная сладкой судорогой в животе, могла доверить себя целиком.

Но это ощущение прошло, как только Макс отстранился. Все мучившие ее сомнения вернулись. Ольга так и просела, и Макс пришлось поддержать ее. Оттолкнув его руки, она попятилась, оглушенная, не понимая, как вести себя теперь, что ему сказать. Все доводы, которые Ольга могла привести, ему были известны не хуже, только его не остановил ни один из них. Следуя ее же призыву, он всего лишь сделал то, чего ему нестерпимо хотелось... Но как поверить, что это искренне?!

– Не надо!

В словах – запрет, руки отталкивают, но взглядом притянула снова, сама почувствовала. Не сознательно это сделала, откуда-то из темных глубин вырвался этот взгляд. Там, внутри, не было никакого страха, одно слепое желание...

Ткнулась спиной в бок своей «реношки», ладонями скользнула по мокрой поверхности – еще не высохла после дождя. Не проронив ни слова, Макс шагнул к ней и, сжав ладонями ее лицо, снова припал к губам. Нестерпимая жажда... Что с ней поделаешь? Перетерпеть невыносимо, унять можно, только удовлетворив. Ольгу опять пронзила насквозь острая сладость... То ли не целовалась давно, то ли эти губы какие-то особенные, то ли привкус порочности происходящего добавляет остроты... Медовый запах клевера от кожи, как и представлялось...

«Да будь что будет, – простонало все ее нутро. – Какие еще у меня радости? Перчаткой по чужому шлему колотить? Такую же несчастную бабу в углу дубасить? Вот только он этого узнать не должен... Ольга Корнилова просто купается в любви и обожании... Чушь какая!»

– Садитесь, – выдохнул Макс и распахнул дверцу. – Через минуту мы будем дома.

Она села, почти не понимая, что делает, не желая даже думать об этом. Главное сейчас – не дать разрастись стыду. Почему она обязана давить в себе все желания?! Одного прогнала потому, что жена у него хорошая женщина, не заслужила такой обиды. Другой влюбился так, что это могло кончиться только браком, которого Ольга не хотела. А он не хотел по-другому... Скольких еще она должна оттолкнуть? Ради чего? Чтобы снова поникнуть в своем одиночестве?

«Но как я разденусь при нем? – вдруг охватила ее паника. – Он ведь девочек двадцатилетних привык видеть...»

– Макс, отвезите меня домой. Ко мне домой.

– Нет.

Ее поразило это «нет», она не ожидала отказа. Секунду назад Ольге казалось, что все зависит лишь от ее желания или нежелания. Ей моделировать это будущее... Но, оказывается, Макс имел о нем свое, не менее четкое представление, окончательно оформившееся за время пути. Запершись в ее маленькой машине, они оба, не отдавая себе отчета, раздували разгоревшуюся теперь в его теле страсть. Ольга боялась даже думать, что и в душе тоже. Последнее страшнее, от этого не отделаешься, просто переспав.

«Да нет, не может этого быть, – попыталась она успокоить себя. – Мы ведь только встретились, какой-то час прошел... Как в нас все могло разрастись настолько?!»

Выкрикнула в отчаянии:

– Вы что, не поняли? Я не пойду к вам, Макс!

Он уже остановил машину возле небольшого теремка, раскрашенного в яркие цвета – теплый привет из сказочного детства! Вот какой у него дом. Совсем рядом был, действительно не больше минуты прошло... В ней еще все бурлило и кипело, хотя Ольга пыталась это скрыть. И которым не могла насладиться...

«Вот черт! Как же мне это нравится». Ей захотелось просто закрыть глаза, превратиться в слепоглухонемое существо, живущее одними ощущениями. Уже надумалась и наговорила за столько лет...

Повернув к ней побледневшее лицо (даже губы внезапно выцвели), Макс произнес почти шепотом:

– Оля, если вы скажете, что я вам противен, я...

– Нет! – вырвалось у нее. – Не противны, Макс, нет. Это совсем не то. Вы не о том говорите! Думаете...

– У вас есть кто-то другой?

«Он ведь уже спрашивал... Не поверил? Что же, еще и убеждать его в своей совершенной ненужности? – затосковала она. – Никто не позарился. Ни мужа, ни любовника. Хотя, может, это как раз и охладит его: мужчины ведь охотятся за тем, что принадлежит другому. Я хочу, чтобы он отступился?»

Проверяя не столько Макса, сколько саму себя, она выдавила:

– Нет. Сейчас – нет.

– Тогда – что? – Умоляющий голос, несчастные глаза – как им не поверить?

– Вы и сами все знаете!

Она еще пыталась быть резкой, чтобы самой себе не позволить прижать его голову, стиснуть так, чтоб он вскрикнул от боли, а потом пожалеть, заласкать до одурения. Самой одуреть от нежности...

– Что именно я должен знать?

– Что пропасть не перемахнешь только потому, что этого хочется.

– Нет никакой пропасти, – поразив ее, сказал Макс и как-то устало потер лицо, будто пытался проснуться. – Вы сами ее придумываете. Мы только что и смеялись вместе, и разговаривали, и... Разве вы реально ощущали эту пропасть? Почему же она должна возникнуть во всем остальном?

– Она не возникнет. Она просто существует, и всё.

Он постучал пальцем по своему лбу:

– Только у вас в голове.

– Реальность – это то, что мы о ней думаем? Это старая идея.

– Оля, чего вы боитесь?

– Еще скажите: что вам терять!

– Я не притронусь к вам больше, если вам на самом деле так страшно, – пообещал Макс.

Его глаза не лгали, он действительно собирался выполнить то, что обещал. Ольга с испугом прислушалась к тому, каким разочарованием отозвались в душе его слова. Эти губы больше никогда не вопьются в нее с такой жадностью, о какой уже и не мечталось?

«Ну, и правильно, – она попыталась протрезветь усилием воли. – Так и должно быть. Нечего выставять себя на посмешище».

– Договорились, – проронила она и вышла из машины. Не дожидаясь Макса, пошла к его дому, бросив взгляд на гостевой флигель в саду: немец у себя? И не поняла этого.

Росшая у крыльца липа уронила каплю ей на плечо. Машинально шелкнув по ней пальцем, Ольга оглянулась: Макс шел к ней, глядя исподлобья, неожиданно похожий на того черного добермана, которого она подобрала прошлой зимой. Он бегал по улицам в наморднике, перепуганный внезапно обретенной свободой, пытающийся найти своего хозяина или хотя бы кого-то, готового взять его за ошейник, отвести в тепло. Его крупное, красивое тело подрагивало от холода, и он то и дело задирал заднюю лапу, становясь смешным, совсем не страшным. И Ольга сама позвала его:

– Эй, псина, иди сюда!

Его взгляд впился в ее лицо с надеждой, он сразу понял, что эта женщина не обманет. Не обидит. Она просунула пальцы под ошейник на холке, придержала его.

– Куда ты дел своего хозяина? Пошли искать.

Они бродили вдоль Цветного бульвара и по соседним улицам, опрашивая прохожих, наверное, целый час, пока Ольга сама не сдалась.

– Ладно, пойдем ко мне. Хоть погреешься. Да и жрать ведь хочешь, как собака!

Почему-то не чувствовала страха, даже когда она сняла с добермана намордник. Газеты пестрели жуткими статейками про собак-убийц, а Ольга сидела на полу, рядом с чавкающим псом, желтоватые клыки которого мелькали в полуметре от нее, и не испытывала ничего, кроме сострадания. Оставить его у себя было немыслимо: она же то и дело уезжает на гастроли, как он будет без нее? Доберман – не пудель, не попросишь соседей выгулять. Только что таскал ее так, что она просто ехала за ним по обледелым дорожкам...

«У Васьки громадный дом, – вспомнила она об одном из своих бывших. – Может, возьмет, если я очень попрошу? Опять же – сторож... Придется тащиться с ним в постель, чтобы согласился».

Собаку она была вынуждена запереть в другой комнате, когда Василий явился на смотрины, которые, как Ольга и предполагала удрученно, начались в ее постели. «Только бы пес не почувствовал в нем соперника». Она продолжала думать о добермане, даже придавленная мужчиной к кровати. Васька всегда был сверху, в самом классическом положении, по-другому просто не мог. Наверное, поэтому у них все и закончилось так быстро, что ее утомило ощущение подчиненности, которого требовал заместитель директора завода. На работе власть была не полной, на женщинах отыгрывался...

«Пусть лучше собакой командует. Он не жестокий, – опять мысленно обратилась она к доберману. – Он тебя не обидит. Просто будет играть в хозяина... Но ведь для тебя он и должен быть хозяином. Со мной у него этот номер не прошел».

Когда через месяц она заглянула к Василию, пес узнал ее и, похоже было, что улыбнулся по-собачьи, но уже как теплому воспоминанию. Взгляд его не задержался на ней, он тотчас нашел лицо хозяина, уцепился за него с радостным ожиданием: «Ты помнишь, что я здесь? Что я – твой главный друг? Не эта женщина. Она, конечно, милая, но...» И Ольга заторопилась, чуть ли не бегом бросилась к машине. Ей было внове чувствовать себя лишней собаке. И она не могла этому противиться, даже не знала – как, хотя ни одному человеку, кроме сына, не позволила бы вытеснить себя из того пространства, в котором ей хотелось остаться. Тут, признаться, и хотелось-то не очень.

Макс распахнул перед ней дверь, до этого легкомысленно, всего один раз провернув в замке ключ. Ей почудился сладковатый запах бревенчатых стен, хотя дом был сложен из кирпичей. Ольге нехотало вспомниться: «Дом кирпичный – крепкий дом! Серый волк не страшен в нем!» И захотелось узнать: от каких страхов прятался Макс за этими стенами? И чувствовал ли себя маленьким, незащищенным поросенком? Стало смешно: в предстоящую новогоднюю ночь все будут дарить друг другу игрушечных поросят. Подарит ли Макс ей себя?

Отмахнувшись от этой мысли, она прошла в центр небольшого холла. Светлые стены, белый потолок, песочного цвета ковровое покрытие... Какое-то искусственное, усиленное

добавление светлого в жизнь. Ему не хватает? Что представляет собой его жизнь? Оглянувшись: Макс по-прежнему смотрел на нее с настороженным ожиданием. Доберман. Такой сильный и молодой, и так болезненно нуждающийся в ласке... У нее даже ладонь заныла – мучительно захотелось погладить его.

– Где же ваша мастерская? – спросила Ольга, пытаясь звуком собственного голоса заставить себя очнуться.

– Вы любите подглядывать в замочную скважину? – удивив ее, спросил Макс.

* * *

Скважина оказалась довольно крупной, обзор – панорамный, наслаждение для любопытствующих. Образована двумя профилями: почти нос к носу, рты разинуты – вопль застыл, но так и звучит в ушах. Кто из имеющих соседей не слышал его?

– Потрясающе... И как вам удалось *так* увидеть? Как вы ее назвали? – спросила Ольга почти шепотом – благоговение не позволяло усилить голос.

То, что Макс с самого начала не назвал себя начинающим, теперь – она видела – оправдывалось. «Наверное, художником рождаются, – подумалось ей. – Или у тебя есть это особое зрение, или нет. Его, как мышцы, не накачаешь».

Макс пожал плечами:

– «Коммунальная квартира»? Просто – «Соседи»?

– По планете...

– Да! – У него вспыхнули глаза. – Это мысль.

Ольга попыталась охладить его:

– Нет, так не надо! Это слишком мрачно. Не все мы ненавидим себе подобных.

Он заглянул ей в глаза. Черные всполохи у самого лица, чуть не отшатнулась.

– Нет?

– Мне нравится то, что вы делаете.

«Слишком близко он стоит, – мелькнуло в мыслях паническое. – Так не принято разговаривать... От этого в голове путается... От запаха его. Тепло кожей улавливаю. А он – тоже? Нарушает мое личное пространство как ни в чем не бывало. Его забавляет это?»

Но в лице – напряжение, не похоже, что забавляется. Или так талантливо играет? На зависть. Она отошла, начала рассматривать другие работы, но смотрела уже мимо. Мысли разбегались, кровь бурлила... Она попыталась усмехнуться: «Да все можно сделать. Справиться с бунтом плоти не так уж и трудно. Надо только перестать спрашивать себя – зачем?»

– Зачем? – внезапно спросил Макс.

Она крутанулась на месте:

– Что?!

– Зачем вам так необходимо быть одинокой?

– Кто вам сказал, что я одинока?

– Вы сами и сказали.

– Вы меня неправильно поняли. Я говорила, что у меня нет сейчас... любовника, – решила назвать вещи своими именами. – Но это не значит, что я одинока. У меня есть сын.

Откликнулся с легкой издевкой:

– В Париже? Рукой подать!

– У меня родители живы, слава богу, сестра рядом, друзей масса...

Макс нарочито передернулся:

– Даже представить страшно: масса друзей... Похоже на каловые массы. Бр-р!

– Не глупите! – одернула Ольга. – Почему я вообще оправдываю тут перед вами свою жизнь?!

– Потому что я все равно войду в нее. Рано или поздно. Лучше – сейчас.

Он произнес это так, что она почувствовала озноб. Не самонадеянность звучала в его голосе, а какая-то глубокая убежденность. На уровне сердца.

– Максим...

– Макс, – поправил он.

– А у вас что – боязнь своего полного имени?

Качнул головой:

– У меня вообще нет никаких фобий. В детстве была.

– И какая же?

Почему она так уцепилась за ниточку его воспоминаний? На что надеялась в этот момент? Что эти его прошлые страхи опять нагромосятся между ними, окончательно отделив? Или наоборот – позволят ей увидеть его истинного, без игры, которую Ольга в нем почему-то подозревала, хотя из них двоих не Макс был артистом...

Он обвел рукой стены своей мастерской, выкрашенной молочно-белой краской:

– Я темноты боялся.

– Ну, этого все дети боятся.

– Нет, я боялся просто до жути! – Он упрямо склонил голову, отстаивая свою исключительность хоть в чем-то. – Не как все... В школе пацаны прознали про это и заперли меня на уроке труда в подсобке. Без света, естественно. Я тогда понял, как люди на самом деле сходят с ума. Знаете, уши заложило от страха, корежило всего. Даже воздуха не хватало. Я реально задыхался! Орал как резаный, а они, наверное, ржали, как лошади, но где-то далеко, я их не слышал. Вообще ничего не слышал. Бился в эту чертову дверь, как буйнопомешанный... Они меня выпустили минут через пять, но мне показалось, что я там вечность провел. Меня без сознания вытащили. Вся школа со смеху помиралась... Потом эти уроды меня только «психом» называли. Имени больше не было. До самого выпуска.

Не задумываясь над тем, что делает, почти не отдавая себе отчета, Ольга шагнула к нему и порывисто прижала к себе. Не мужчину – ребенка. Того, перепуганного до смерти, всеми отторгаемого. Щурясь от наплывающих слез, она гладила и похлопывала его, утешая:

– Все-все, мой хороший. Это все позади. Больше такого не будет...

Руки Макса неуверенно коснулись ее спины и судорожно вжались. И этот порыв вновь превратил его в мужчину, которого Ольга боялась. Животом ощутила напряжение его тела, грудью вобрала тепло.

– Нет-нет, – попыталась она освободиться, но Макс не разжал рук. На этот раз не послушался. Правда, она не слишком и сопротивлялась. У самой в мыслях мелькнуло, что больше раздражает его, твердя «нет», чем по-настоящему отталкивает.

И, осознав это, Ольга внезапно так ослабела от проявления им силы, что расхотелось сопротивляться вообще. Обмякла в его руках. Когда тебя так прижимают, боксерскую стойку не примешь. Да он и сам это умеет. Что же – поединок тут устраивать? Мыслимо ли это, когда его щека так вжимается в ее щеку... Легкие уколы... Совесть? Или все проще – ему пора побриться? Дыхание обжигает шею...

Она невольно выгнула шею, пытаясь ускользнуть от ожога, а Макс понял это по-своему. Его губы несколько раз влажно припали к коже, чуть вобрав ее, точно собирали запах, вкус...

Как получилось, что она сама всем лицом вжалась в его шею, этим движением прорвав последний запрет, позволив все остальное? Когда целуешь так, уже бессмысленно говорить: нет... Да и как его скажешь, если все внутри свело судорогой – от сердца к самому низу живота?! За одно это ощущение, которого, кажется, лет десять уже и не испытывала, стоит пожертвовать своей чертовой репутацией! Которая к тому же не так уж и безупречна...

Кажется, это было последнее, о чем Ольга смогла подумать связно. Потом мыслей не было. Не расцепляя рук, так и ухнули сквозь тысячелетия, вернулись на уровень инстинктов,

когда миром правило только «хочу». И она знать не желала ничего, кроме этого слова, этого стога, этого зова. Всем своим существом кричала, просила, требовала. Захватила и вобрала в себя. Впустила внутрь почти незнакомого, но уже не чужого, раз пожалела, приняла сердцем. Ртом, грудью, всем чревом...

Раздеваться слишком долго, когда все тело так и вопит от нетерпения. Она уже проходила через такое, в первый раз это часто случается именно так: главное освободиться от нижнего белья, чтобы успокоение вошло в нее. Он чем-то резанул тесемку, чтобы не снимать с нее еще и чулки – скорее, скорее! Нож оказался под рукой? Какой-то инструмент скульптора? Ольга приняла жертву без сожаления, хотя в этот день надела дорогое белье – как всегда на тренировку, где ее могли увидеть партнерши по клубу. Но в такой момент все было не важно: и сколько оно стоило, и смотрит Макс на нее или нет, и как смешно он выглядит со спущенными штанами... В сексе вообще много комического, вот только в тот момент, когда тебя изнутри сжирает желание, этого не замечаешь...

Он посадил ее на какой-то стол или верстак, Ольга даже не поняла, что это под ней. То, что уже вошло в нее, было сейчас средоточием всего. Молодая сила заполнила ее зовущее нутро, проникла так глубоко, как никто до сих пор. Она вскрикнула от радости обретения, которую не нужно было изображать, как когда-то давно, еще до рождения сына, когда ее неразвитый организм боялся всего инородного. Желание возникало и тогда, но раз за разом разочаровывало – никаких ощущений, кроме боли. Точно наждачкой по живому. И приходилось призывать на помощь весь свой талант, чтобы не разочаровать того мужчину, которого тогда любила. Они всегда принимают женскую неспособность к оргазму как личное оскорбление. Хотя их достоинства или недостатки чаще всего тут вообще ни при чем.

Другое дело теперь... Молодость прошла, но жизнь дарила взамен способность к наслаждению такой пробы, что у самой дух захватывало: «Господи, как хорошо!» Ольга и сейчас уже постанывала, растворяясь в новых ощущениях, что возникали в тех точках, до которых никто еще не доставал. В определенном смысле – первооткрыватель. Его пальцы вжимаются в бедра, лепят, подтягивая к себе ее тело и тут же мягко отталкивая его. Юбка задрана так, что белая полоска над волосами молочно светится. Ему должна понравиться ее кожа, раз он так любит все светлое. И словно уловив ее мысли, Макс прижал ладонь к ее животу и нажал так ловко, будто собирался сделать не прямой массаж. Выгнувшись навстречу его руке, Ольга без слов потребовала повторить это, и он опять погрузил в нее свои волшебные пальцы.

Как долго это продолжалось? Как ему когда-то, маленькому, запертому в темноте, Ольге показалось – вечность прошла. Сто лет наслаждения. Распростертая на его рабочем столе, в расстегнутой блузке, она вскрикнула от самого сильного спазма, растекшегося пульсацией удовольствия. Беззвучные сигналы счастья... Ощущение невесомости – и внутри, и вокруг... Летишь в пустоту, не испытывая страха.

Но земля уже притягивала, возвращая способность мыслить. Стыдиться. Убрав с тела его руки, Ольга сползла на пол, опустила юбку, застегнула пуговицы, затаив дыхание, прислушалась к падению тяжелой капли. Она не могла заставить себя поднять голову, взглянуть ему в глаза: «Господи, что я наделала?!» Макс обеими руками собрал ее растрепавшиеся волосы, приподнял лицо:

- Не улетай в Париж.
- Я уже обещала...
- Позвони!

Темные, прямые брови сошлись, как от боли, в складке еще поблескивает влага. Все лицо промокнуть бы мягкой-мягкой салфеткой, такая нежность сжимает сердце... Умоляющий взгляд – как от него увернуться? Как отказать этому ребенку-мужчине, что цепляется за ее руки, не отпуская, точно без нее – снова мрак, от которого теряешь сознание... Но ее ведь

сын – не этот. Настоящий ждет в Париже. В другой раз может и не обрадоваться, если она соберется навестить. Там тоже нужно цеплять мгновения счастья. Вся жизнь в охоте за ним.

– Я не могу!

Она отталкивала его руки, пыталась отойти, а Макс ловил ее снова и снова. Танец желания и протеста, несколько запоздалый в своем исполнении... Но Ольгу пугало, что Макс может подумать, будто случайная вспышка способна обернуться первым звеном цепи, которая будет еще долго связывать их. Разве он не понимает, что сейчас она должна уйти? И лучше им больше не видеться. Даже случайно. Даже на тренировке.

– Только не говори, что жалеешь!

– Я не жалею, нет. – Она плохо понимала, что говорит, и путалась в словах. – Я только не хочу... Ты не должен придавать этому значение, понимаешь?

Его руки разжались:

– Как это – не придавать значения?

– Ну, не то чтобы совсем... Но не преувеличивать! Такое ведь случается время от времени.

– Правда?

Макс отошел и сел на какую-то низенькую скамеечку, колени оказались на уровне груди. Опустив голову, он безотчетно тер и мял собственные пальцы.

– Так это для тебя всего лишь... развлечение? Эпизод? И не такой уж редкий, я так понял?

– Нет, не так. Я не говорила, что это часто случается со мной. Я говорила о жизни вообще.

Он бросил на нее взгляд, значения которого она не успела распознать.

– Люди любят рассуждать о жизни вообще, как будто примерили уже сотню судеб! А ведь каждый знает только то, что произошло с ним самим. Не так уж много нам удается испытать за полвека активной жизни... Так называемый опыт на самом деле сплошная фикция!

Ольга даже растерялась:

– Ты действительно так считаешь?

– Конечно. Я читал, что каждый человек выбирает себе в пару людей определенного типа. Сколько бы ни было партнеров за жизнь, все они похожи, как братья. В чем же заключается хваленый опыт? Разнообразия никакого. С тем же успехом можно было оставаться однолюбом.

– Ты – интересный человек, – сказала она искренне.

Пальцы сейчас сломаются – зачем же так?

– Но это ничего не меняет?

– А что это может изменить? Солнечное затмение случается редко...

Макс опять вскинул голову:

– Для тебя это было затмением?

– Ну... – Ольга так и не нашлась что сказать.

– А для меня – озарением.

Откинув голову, она открыто рассмеялась:

– Давай не будем разыгрывать сцену из спектакля! Мне театра за глаза хватает.

– Я ничего не разыгрывал.

– Не хочешь же ты сказать...

– Да, – быстро ответил он и встал, вынудив ее попятиться.

Ольга вдруг ощутила, как неловки стали ее движения, как неуклюже отступила она назад, наткнулась на одно из его изваяний – такую же тяжеловесную женщину. Оглянулась на нее и ужаснулась: «Я – такая?!» Почему же он, такой стремительный и легкий, такой полный кипения жизни, не отпускает ее, не стремится избавиться побыстрее, что было бы понятнее?! Зачем сжимает ее пальцы своими длинными, сильными?

– Надо было сказать тебе сразу... – Макс задержал дыхание, будто изнутри его кольнула боль. – Когда я только увидел тебя на сцене... От тебя исходило что-то, я не знаю... Биотоки? Я оцепенел просто... Никогда так на меня женщина не действовала. Ты произносила какие-то фразы, не помню – какие, а у меня по голове мурашки наслаждения – россыпью... Даже от стука твоих каблучков. От любого движения. Я в машине сейчас почти ничего не соображал, оцепенел, как кролик. Наверное, и отвечал невпопад? Только и прислушивался к собственным ощущениям. Я никогда такого не испытывал, даже ничего похожего! Все эти дни после спектакля я так мечтал о том, чтобы прикоснуться к тебе, что если бы ты ударила меня сегодня на тренировке – это уже было бы счастьем... Я чуть не прыгал от радости, когда тот урод ушел! Я ведь просто обалдел, когда увидел тебя в клубе. Я знал, конечно, что мы живем в одном городе, но мне казалось невозможным пересечься с твоей орбитой.

Она рукой зажала ему рот:

– Перестань! Ты хоть знаешь, сколько мне лет?!

Но тело уже впитало его слова, снова сделалось гибким и пластичным. Разве он вообще был – этот момент неуклюжести? Разве Ольга Корнилова вообще может быть такой? «Надеюсь, он не заметил этого», – подумалось с опаской. Ни одному мужчине не хотелось бы ей показать себя такой...

Поцеловав прижавшуюся к его губам ладонь, Макс, осторожно взявшись за запястье, опустил ее руку.

– Какая разница, сколько лет человеку, если только он один тебе и нужен во всем мире? У меня никаких комплексов по этому поводу. А тебе есть дело до того, что подумает какой-нибудь дурак или полная идиотка?

– Мне есть дело до того, как это все ощущаю я сама...

– А ты...

– А мне неловко с тобой, – она заставила себя признаться в этом быстро, пока не раздумала.

Он опустил глаза – провинившийся школьник младших классов, да и только!

– Значит, я вел себя неправильно...

Нежность опять захлестнула ее с головой, вынудила погладить его по щеке:

– Что ты! Не в этом дело.

– Тогда в чем?

– Ты ведь сам все понимаешь... Я не могу сбросить со счетов разницу в возрасте. И не верю, что для тебя она ровным счетом ничего не значит.

– Не значит, – откликнулся Макс эхом. – Если бы мне просто приспичило трахнуться, я мог бы какую-нибудь нимфетку подцепить. Думаешь, не пошла бы со мной?

– С тобой? Пошла бы.

Пришлось подавить вздох: «Черт, какой же он красивый!» Когда он стоял так близко, ей хотелось молчать и смотреть. Хоть час, хоть век.

– Но я не этого искал. Это уже было...

– Не сомневаюсь, – пробормотала Ольга. Печать невинности на его лице обманчива. А остальное?

– И ничего особенного. Все это мгновенно. А что потом с ней делать? Я хочу очаровываться человеком. Не только телом, а всем...

– И душой, и лицом, и мыслями. Это Чехов. Это мы проходили.

– Зачем ты так? – спросил он обиженно.

– А как еще?

– Почему ты не позволишь себе побыть счастливой?

– У тебя есть душ?

Он не сразу понял:

– Что? А, конечно. Сейчас. Подожди, ты боишься, что будешь стыдиться меня? Я не пара тебе, так?

– Это просто смешно!

Мягко оттолкнув его, Ольга принялась расхаживать по мастерской, лавируя между его молчаливыми созданиями. Они следили за ней осуждающе, они тоже отказывались понять ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.